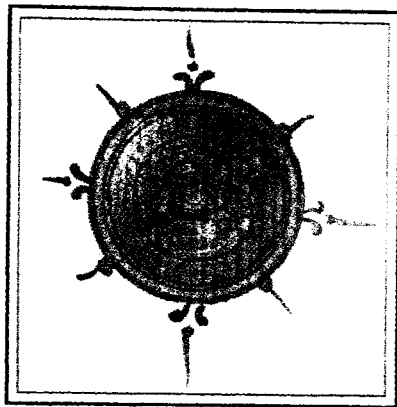

WEST-ÖSTLICHEN DIVANS:
КОРАН В РОССИИ

Об истории изучения Корана в Западной Европе написано достаточно много, чего нельзя сказать о судьбе этой книги в России¹, хотя геополитическое положение страны и особенности российской истории обусловили здесь особое отношение к Священной книге ислама. Архивные материалы свидетельствуют о том, что Коран находился в личных библиотеках таких русских царей, как Иван Грозный, Екатерина Великая, Петр I. Судьба публикаций, переводов и редких рукописей Корана также нередко была связана с личными решениями верховных правителей России.

Первое знакомство русских с исламом было следствием торговых и дипломатических контактов с Волжской Булгарией, Хорезмом, Дербентом, Мавераннахром. К середине XIII в. большая часть русских земель была включена в орбиту политического, идеологического и культурного влияния Золотой Орды, где к тому времени позиции ислама были очень сильны, а полная исламизация была завершена веком позже. В те годы на Руси была необычайно высока социальная престижность всего ордынского.

¹ Пионером в этой области, как и во многих других, важных для отечественного исламоведения, был И. Ю. Крачковский. См.: И. Ю. Крачковский, «Русский перевод Корана в рукописи XVIII в.», *Сборник статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова* (Москва: Ленинград, 1934), с. 219—226; *idem, Избранные сочинения* (Москва, 1955), т. 1, с. 175—181. Очень много в данной области сделано П. А. Грязневичем, см. его работы: «Коран в России (изучение, переводы и издания)», *Ислам: религия, общество, государство*, ред. П. А. Грязневич и С. М. Прозоров (Москва, 1984), с. 76—82; *idem*, «Судьба великой книги в России», *Литературная газета-досье*, № 7, 1991, с. 20. Среди общих работ об исламе в России, опубликованных за последние годы, следует отметить следующие: Р. Г. Ланда, *Ислам в истории России* (Москва, 1995); А. В. Малащенко, *Мусульманский мир СНГ* (Москва, 1996). Особое значение имеет долгожданное начало реализации большого академического проекта: *Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь*, сост. и отв. ред. С. М. Прозоров, т. 1—2 (Москва, 1998, 2001).

в том числе связанного с исламом, а Коран звучал внутри Московского Кремля, где вплоть до конца XV в. существовал Татарский двор — официальная резиденция ордынских *бәсқайқов*, ведавших сбором дани для метрополии. Для этого периода характерным было сосуществование православного христианства, занимавшего абсолютные позиции на Руси, и ислама — религии господствовавших ордынцев.

В послеордынский период многие обычаи и порядки, восходившие к исламским прототипам, еще значительное время продолжали играть заметную роль в жизненном укладе русских. Россия, унаследовав территории и в значительной степени государственную организацию ордынцев, оказалась после гибели Византии (1453) в полукольце мусульманских государств. Помимо известного во всем мире герба в виде двуглавого орла в России вплоть до середины XIX в. в сношениях с государствами Востока использовалась *түррй*, заключающая в себе формулу *би-’итай-’аити Рабби-л-’аламин* (см. шмуцтитул к ч. 3). Едва ли случайно, что вплоть до середины XVI в. в Европе бытовало устойчивое мнение, что русское государство находилось в руках исламизированной татарской элиты, а знаменитый церковный писатель и философствующий богослов Максим Грек (ок. 1470—1555) сокрушался в одном из своих трудов, что жители русской столицы скоро, возможно, будут носить чалму.

Торжеством русской «реконкисты» стало взятие Казани армией Ивана Грозного (1552), последовавшее через 60 лет после захвата христианами Гранады (1492). Россия постепенно стала утверждаться в своем превосходстве над мусульманскими соседями. Начался процесс вытеснения ислама из тех сфер общественной и культурной жизни, где он в той или иной форме бытовал ранее. Идеологической опорой было признано византийское духовное наследие, а Москва была объявлена «Третьим Римом», занявшим место поруганного неверными Царьграда. Курс на профессиональную унификацию подданных русского государства на долгое время предопределил преобладание жанра полемической религиозно-политической публицистики в качестве основного в корпусе русскоязычной литературы о Коране и исламе в целом. С другой стороны, постепенное включение в состав Российской империи все большего числа территорий с мусульманским населением и необходимость обеспечения его лояльности требовали как объективной информации о религиозных верованиях и традициях, так и уважения к ним. История изучения и переводов Корана в России неразрывно связана с этими двумя тенденциями.

Долгое время основным источником сведений об исламе и Коране служили в России переводы с греческого, латинского,

польского языков антимусульманских религиозно-философских трактатов и исторических трудов. В течение нескольких столетий именно взятые из этих сочинений крайне искаженные сведения о Коране и Пророке Мухаммаде, об основных догматах ислама заполняли исторические, историко-литературные, популярные труды на русском языке, которые в целом были пронизаны религиозной нетерпимостью. Антиисламские памфлеты служили идеологическим обоснованием борьбы с Великой Портой и ее вассалами. Таковы «Ответы христианам противу агарян, хулящих нашу православную веру христианскую», «Слово обличительно на агарянску прелесть и умыслившего ее скверного пса Моамефа», принадлежащие перу упомянутого выше Максима Грека, долгое время бывшего основным идеологом религиозно-церковных кругов Российского государства. По своему пафосу работы Максима Грека близки «Толедскому сборнику» Петра Достопочтенного.

В работах ученика Максима Грека Андрея Курбского (1528—1583) и современника последнего публициста Ивана Пересветова, ратовавшего за присоединение Казанского ханства, проявилась уже бóльшая осведомленность об исламе. В некоторой степени их воззрения сближались со взглядами таких западноевропейских теологов и публицистов, как Николай Кузанский (1401—1464) и Хуан де Сеговия (1400—1458). Жизнь и деятельность Андрея Курбского и Ивана Пересветова были связаны с западными областями Руси и Литвой. В Литве в XV—XVII вв. был осуществлен и первый перевод Корана с арабского языка на славянский, а именно — на белорусский язык. Перевод был выполнен в среде татар, состоявших на службе литовских князей² (*рис. 1*). Типологической параллелью этому переводу может служить современный ему перевод Корана на мусульмано-испанский (*алхаммадо*).

Все больше татар переходило на русскую службу. В описи архива Посольского приказа, составленной в 1560 г. при Иване Грозном, упомянут «*Куран татарский, на чом приводят татар к шертти*» (= *шарт*, т. е. присяга)³. Здесь же имеется любопытная приписка: «78-го (=1570) мая взял Куран ко Государю Петр Гри-

² См.: А. К. Антонович, *Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система* (Вильнюс, 1968); В. П. Демидчик, «Памятники белорусской литературы, писанные арабским письмом, и легенда о ночном вознесении Мухаммада», *Проблемы арабской культуры: Памяти академика И. Ю. Крачковского* (Москва, 1987), с. 238—253; P. Wexler, «Christian, Jewish and Muslim translations of the Bible and Koran in Byelorussia: 16th—19th centuries», *Journal of Byelorussian Studies*, VI (1989), с. 12—19.

³ Подлинная опись архива Посольского приказа, выполненная в 1560-х гг., ныне находится в фондах *Российской национальной библиотеки (РНБ)* (Санкт-Петербург), см.: Q1V.70, л. 224—357 об. Публикация: *Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции*, подгот. текста и коммент. А. А. Зимина, ред. акад. Л. В. Черепнин, вып. 1—3 (Москва, 1978) (см.: вып. 1, с. 93; вып. 3, с. 506).

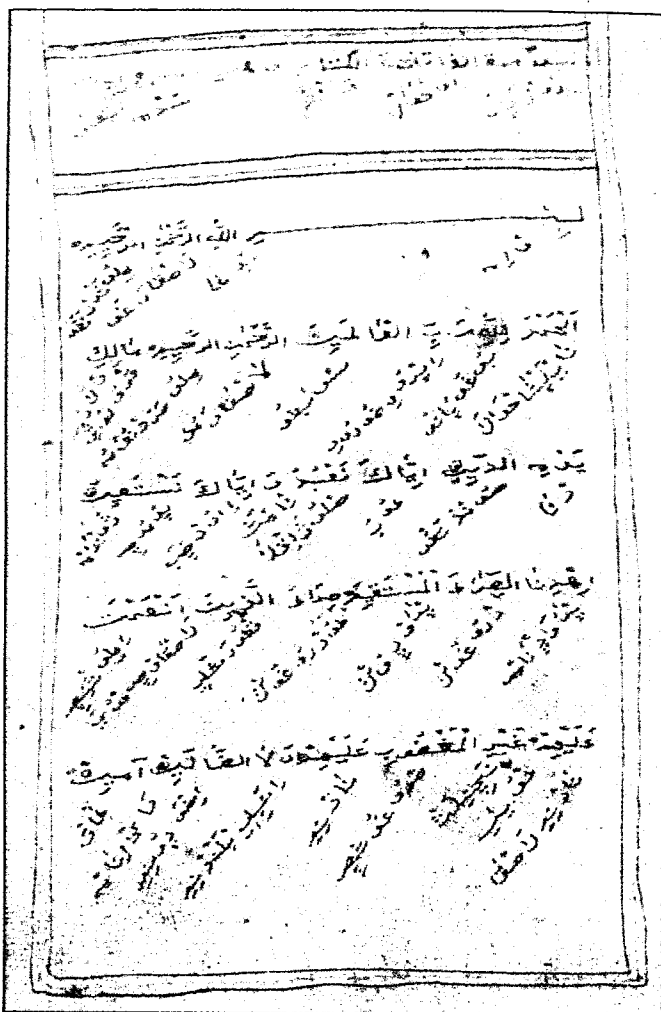

Рис. 1. Л. 16 (сура «Ал-Фатиha») рукописи D-723 (XVI в., 33,0 × 21,5 см) из коллекции Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН (Коран с белорусским подстрочным переводом, писанным арабицей)

горьев»⁴. До нас дошел один из списков Корана, который использовался для приведения мусульман к присяге. Это собранный из разнородных фрагментов кодекс, включающий части с параллельным персидским и тюркским переводами (рис. 2)⁵. *Āyat* 16: 91, использовавшийся для клятвы, выписан в нем зо-

⁴ Это был дьяк Петр Григорьевич Совин. См.: А. Круминг, «Первые русские переводы Корана, выполненные при Петре Великом», *Архив русской истории*, V (1994), с. 228.

⁵ *Российский государственный архив древних актов (РГАДА)* (Москва), ф. 18, № 1226, 477 л., 23,5 × 18,5 см. Кодекс собран из разнородных фрагментов и восполнен в первой половине XVII в. Пропагандирован в обратном порядке. Новая часть-

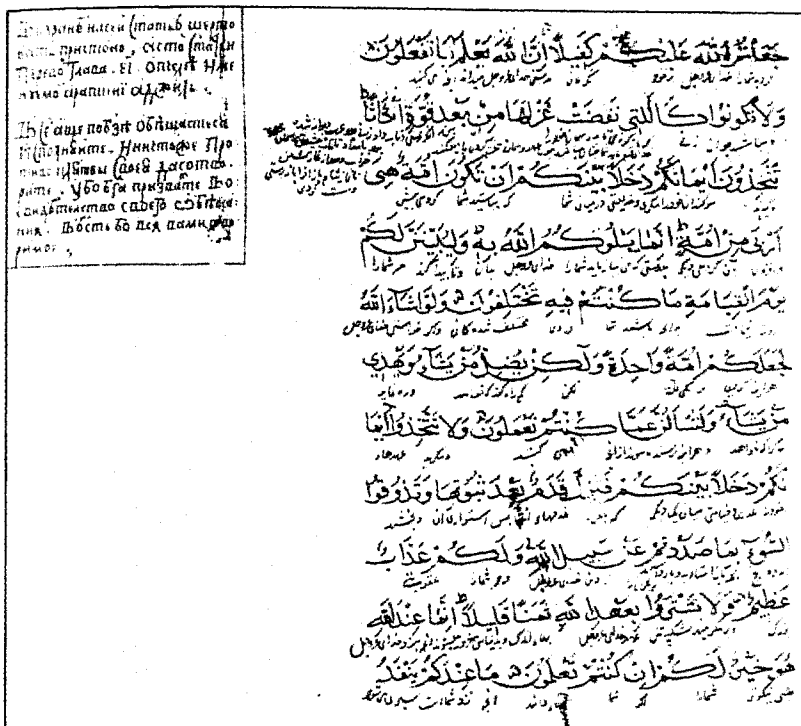

Рис. 2. Присяжный лист из рукописи Корана с вклейкой русского перевода *diina* 16 : 91. Российский государственный архив древних актов (Москва), ф. 18, № 1226, 23,5 × 18,5 см. С разрешения архива

лотом. Ниже в рукописи имеется вклейка с текстом, выполненным московской скорописью XVII—начала XVIII в.:

В Куране на сей статье шертовать присто(i)но, а с той статьи перевод: Глава 15⁶ О Пчеле именуемо(ii) арапскі Аджиль Все аще по Бозе обещаеся исполняйт(е,) и ничтоже противо клятвы своея да сотворите. Убо Бога призвасте во свидетельство своего обещания, весть бо вся вами творимое⁷.

л. 387—382, 372—365, 299—294, 238—246 — выполнена каллиграфическим тушевым *насуи* на европейской бумаге без традиционной турецкой дополнительной обработки. Бумага датируется по филиграну (двуглавый орел) 1628—1639 гг. Старейшая часть — л. 292—239 (22,5×16) — на восточной бумаге коричневого оттенка (XIII—XIV вв. ?); часть листов — л. 475—388, 352—300 — с межстрочным персидским переводом и комментарием, на восточной бумаге желтоватого оттенка. Другая часть — л. 381—373, 364—352, 235 — с межстрочным турецким переводом и комментарием, на аналогичной бумаге. См.: Д. А. Морозов. *Краткий каталог арабских рукописей и документов российского государственного архива древних Актов* (Москва, 1996), с. 21—22.

⁶ *Сура* «Ан-Нахл» — шестнадцатая по счету, по-видимому, «Ал-Фатиху» не посчитали за отдельную главу.

⁷ Морозов, *op. cit.*, с. 22.

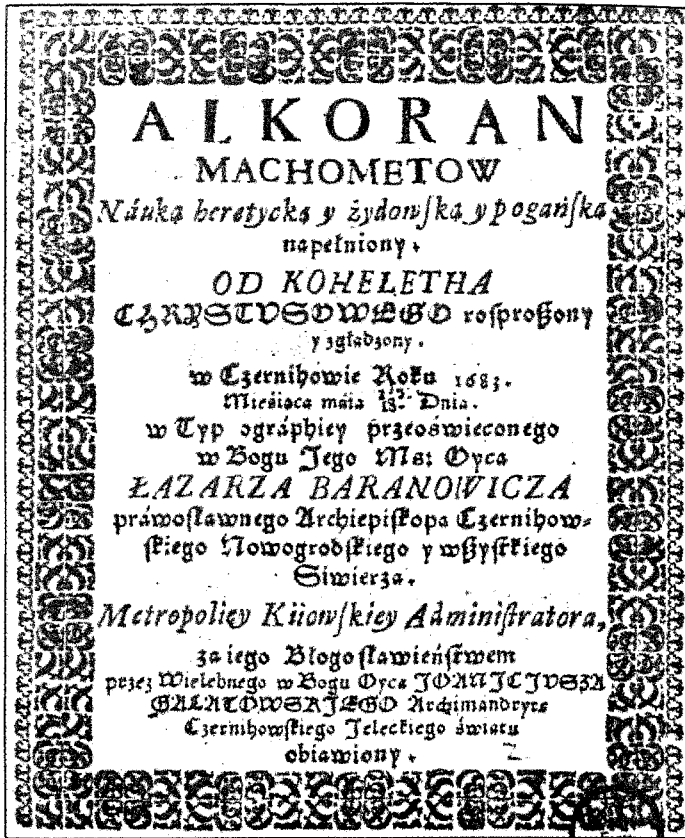

Рис. 3. Титульный лист трактата Иоанникия Галятковского *Alkoran Macometow. Nauka heretycka y zydowska y poganska napelniony. Od Koheletha Chrystusowego rosproszony y zgradzony...* (Чернигов. 1683). Российская национальная библиотека, шифр Рм 17 Пол/г 15q. С любезного разрешения библиотеки

На сегодняшний день это, по-видимому, самый ранний из дошедших до нас русский перевод фрагмента коранического текста. Рукопись, о которой идет речь, символически представляет и исламское окружение России, и ее мусульманское население.

Постоянно возникавшие конфликты с мусульманскими соседями, и в первую очередь с турками, диктовали, однако, жесткие идеологические установки: в царском указе от 1681 г., принятом Иваном V, нетерпимое отношение к исламу приобретает характер государственной политики. Именно к этому времени относится написание первого в России сочинения, специально посвященного Корану. В 1683 г. в Чернигове был напечатан составленный на польском языке ректором Киево-Могилыанской коллегии (позднее — академии) и знаменитым православным полемистом Иоанникием Галятовским (ум. 1688) трактат «Alkoran Macometow Nauka heretycka y zydowska y poganska napelniony. Od Koheleta

Chrystusowego gosproszony u zgomadzony...»⁸ (рис. 3). В книге имелось посвящение царевичам Иоанну и Петру, будущему императору России. В этой связи был заказан ее русский перевод, выполненный дважды: анонимным автором и переводчиком Пособольского приказа С. И. Гадзеловским⁹ (рис. 4).

Книга, представляющая спор двух аллегорических персонажей Алкорана и Когелета, не содержит ни подлинных, ни мнимых коранических цитат и выявляет практически полное незнание автора с содержанием Корана. Перу Галатовского принадлежат еще две книги, где он, так или иначе, касается Корана. Это сочинение «Небо новое»¹⁰, посвященное чудесам Богородицы и противомусульманский памфлет «Лебедь с перьями своими»¹¹. В первом приведены две мнимые и одна подлинная (*ай-ат* 3 : 45) цитаты из Корана¹², во втором — лишь мнимые ссылки на Коран, восходящие, по-видимому, к европейской полемической традиции.

Первые инициативы по научному изучению, переводу и распространению Корана в России принадлежат Петру I. В контексте

⁸ Ioannicyusz Galatowski, *Alkoran Macometow Nauka heretycka u zydowska u poganska napelniony. Od Koheleitha Chrystusowego gosproszony u zgomadzony...* (Чернигов. 18 мая 1683). Сохранилось по крайней мере три экземпляра этой книги: *Российская государственная библиотека (РГБ)* (Музей книги), (собрание кирилловских книг, инв. № 3963); *РГАДА*, ф. 1251, № 4141/2504 инв.; *РНБ*, Рм 17 Полч 15ч.

⁹ О Стахине Ивановиче Гадзеловском см.: О. А. Белоброва. «Гадзеловский (Гадаяловский) Стахий». *Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук* (Ленинград, 1990), с. 71. Отмечены три главных особенности, которые позволяют легко различить два перевода. Так, перед заглавием труда анонимного переводчика следует заметка о поднесении польской печатной книги царям Иоанну и Петру 6 августа 7191/1683 г. (книгу поднес царям посланец Иоанникия Галатовского иеромонах Паисий). Стихи на герб переведены прозой, а помещенное в самом конце книги послесловие, «Zoilowi», осталось без перевода (см.: Круминг, *op. cit.*, с. 230, примеч. 5). Списки анонимного перевода сохранились в *РГАДА*, ф. 181, оп. 9, № 756/1286 и *РНБ*. Собрание Санкт-Петербургской духовной академии, № 186, л. 1—80 об. Списки перевода Гадзеловского имеются в *РГАДА*, ф. 357, № 68/213, л. 1—72 и *РНБ*, F XVII 19, с. 316—339. Подробнее см.: Круминг, *op. cit.*, с. 231.

¹⁰ Иоанникий Галатовский. *Небо новое, з новыми звездами сотворенно. То есть, Преподобная Дѣва Мариа з Чудами Своими...* (Львов. 12 декабря 1665) (там же и в Могилеве вышли еще два издания — 1666 и 1699 гг.). Львовское издание фигурирует среди книг личной библиотеки Петра I (ныне — Библиотека Академии наук в Санкт-Петербурге, № 467=Р. 239).

¹¹ Ioannicyusz Galatowski, *Labeledz z piorami swemi z darami Boskiemi Chrystus Prawowiennu Narodowi Chrzescianskiemu Labeledzionym Piorem swej madrosci Boskiej wyplywie Przyczyny, dla ktorych dlugo trwa na Swiecie sekta Machometanska?..* (Львов, 1665; Чернигов, 1670; Новгород-Северский, 1677; Могилев, 1699). В *РГАДА* сохранились два экземпляра книги: ф. 1251, № 4181/2685 инв., 4181/2686 инв.

¹² См.: Галатовский, *Небо новое*, л. 54: «Махамет Зводителъ выхваляючи Пречистую Дѣву в своемъ Алькоранѣ. (чьши от доброго чьши от злого духа наученный) мовит: о Марие Бог тебе обрал над всѣ невѣсты на свѣтъ, о Марие, Бог объявил тебѣ слово свое от себе, имя его Мессия». Подробный разбор см.: Круминг, *op. cit.*, с. 229, примеч. 5.

своей восточной политики Петр предпринял целую серию мероприятий, положивших начало систематическому изучению мусульманского Востока. По его приказу в 1716 г. в Петербурге был напечатан первый перевод Корана на русский язык, выполненный неизвестным переводчиком¹³ (неоднократно приписывался Дмитрию Кантемиру или Петру Посникову) с французского перевода Андре дю Рие. Опубликованный русский перевод назывался «Алкоран о Магомете или закон турецкий»¹⁴ (рис. 5а, б) и включал также перевод авторского предисловия «Sommaire de la Religion des Turks»¹⁵. Переводчик не только повторил, но и умножил ошибки дю Рие, выказав при этом неглубокое знание французского языка. Уже в силу только данных обстоятельств перевод не может быть приписан ни Кантемиру, ни Посникову, бесспорно не допустившим бы столь грубых ошибок¹⁶.

Несколькими годами позднее труд дю Рие был переведен на русский язык еще раз Петром Посниковым (конец XVII—первая треть XVIII в.) — врачом, философом и дипломатом (был дипломатическим агентом в Париже в 1702—1710 гг.), доктором

¹³ *Алкоран о Магомете или Закон турецкий, переведенный с французского языка на российский*. Напечатался повелением Царского Величества в Санкт-Петербургской типографии, 1716 году, в месяце декември. См.: И. Ю. Крачковский. «Русский перевод Корана в рукописи XVIII в.»; Круминг. *op. cit.* с. 231—236.

¹⁴ Об этом издании см.: П. Ефремов, «Новооткрытая библиографическая редкость». *Русский Архив*, I (Москва, 1888), с. 644—646; Я. Березин-Шпиряев, «Некоторые подробности о весьма редком экземпляре Алкорана». *Библиографические записки*, I (Москва, январь 1892), с. 26—27.

В российских библиотеках сохранились 9 экземпляров Корана 1716 г.: РГАДА, ф. 1251, № 3, корректурный экземпляр; РГБ, Музей книги, Сп-20/16-К, инв. № 167; Государственная Публичная историческая библиотека (Москва), Отдел истории книги, л. 8.1/28, инв. № 15282, 15283; РНБ, П 219 и П 219а; Библиотека Академии наук (Санкт-Петербург) (БАН), 24.7.1; Библиотека Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Академии наук, П 4/40; Библиотека Санкт-Петербургского филиала Института истории Российской Академии наук, XI.4352, инв. № 5383. В РГАДА сохранилась наборная рукопись Корана 1716 г., послужившая оригиналом для печатного текста: ф. 381, рукописные книги Московской синодальной типографии, № 1034.

С печатного экземпляра этого перевода был сделан список (датируется по бумаге 1788 г.), который ныне хранится в Уфе (*Башкирская государственная библиотека*, Сектор редких книг и рукописей, 4845 (р/ф), см.: П. О. Ишериков, «О поисках и сборе древних актов и рукописей в Башкирии». *Вопросы истории*, X (1951), с. 115.

¹⁵ Это издание неоднократно упоминается в переписке директора Санкт-Петербургской типографии Михаила Аврамова с личным секретарем Петра I Алексеем Макаровым, однако имя переводчика не упомянуто и там. Так, в письме от 18 февраля 1717 г. находим: «Что доносить, не имею, токмо брата и истинного друга вам дарствую: при нем отправлен до Его Величества новой план Санптербургского прищепка, книга военная, Алкоран и две пропорции английской карабелной...» (РГАДА, ф. 9, отд. II, кн. 31 (входящие письма 1717 г., кн. 1: буквы А—Г), л. 115. Цит. по: Круминг. *op. cit.* с. 234.

¹⁶ Например, вводные слова и заголовок 2-ой сѳры (*Le Chapitre de la Vache éscrit à la Mesque*) переведены как «Гл. писана из Ваши в Меску».

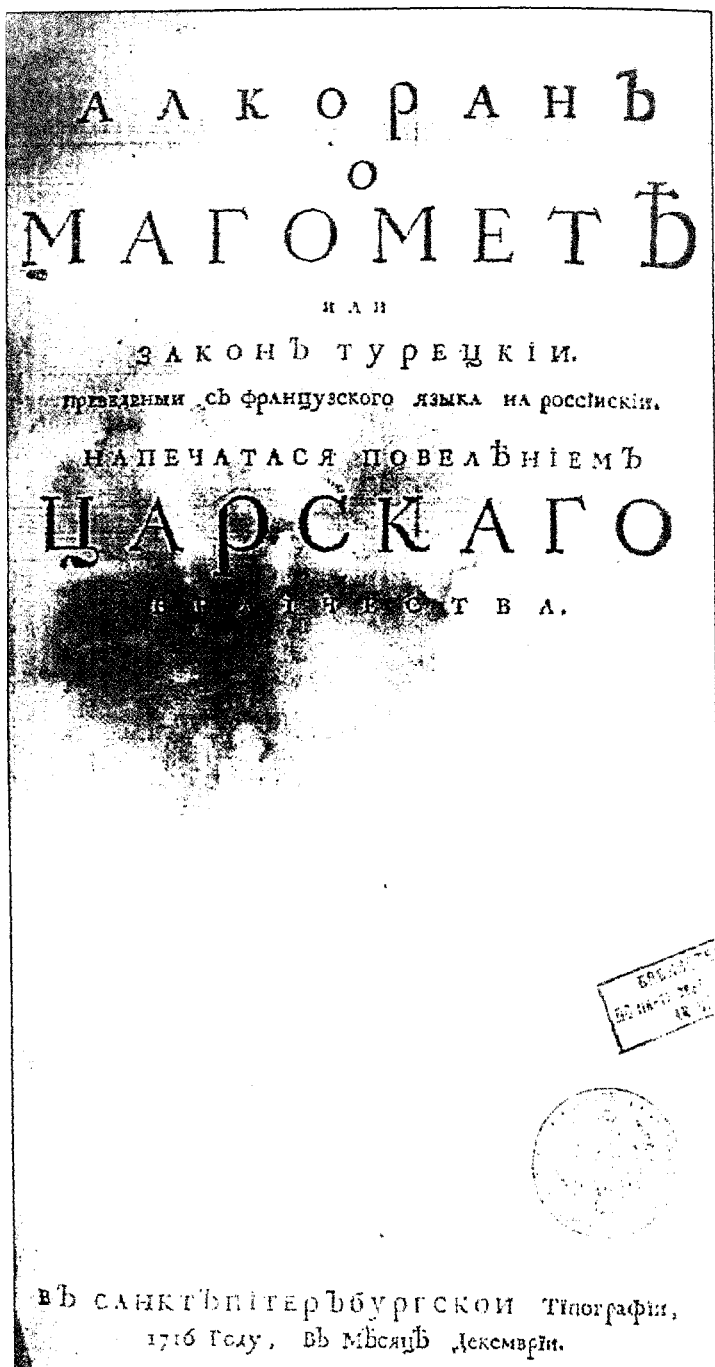

Рис. 5а. Титульный лист первого русского печатного перевода Корана, озаглавленного «Алкоран о Магомете или закон турецкий» (Библиотека СПбФ ИВ РАН, II 4/40)

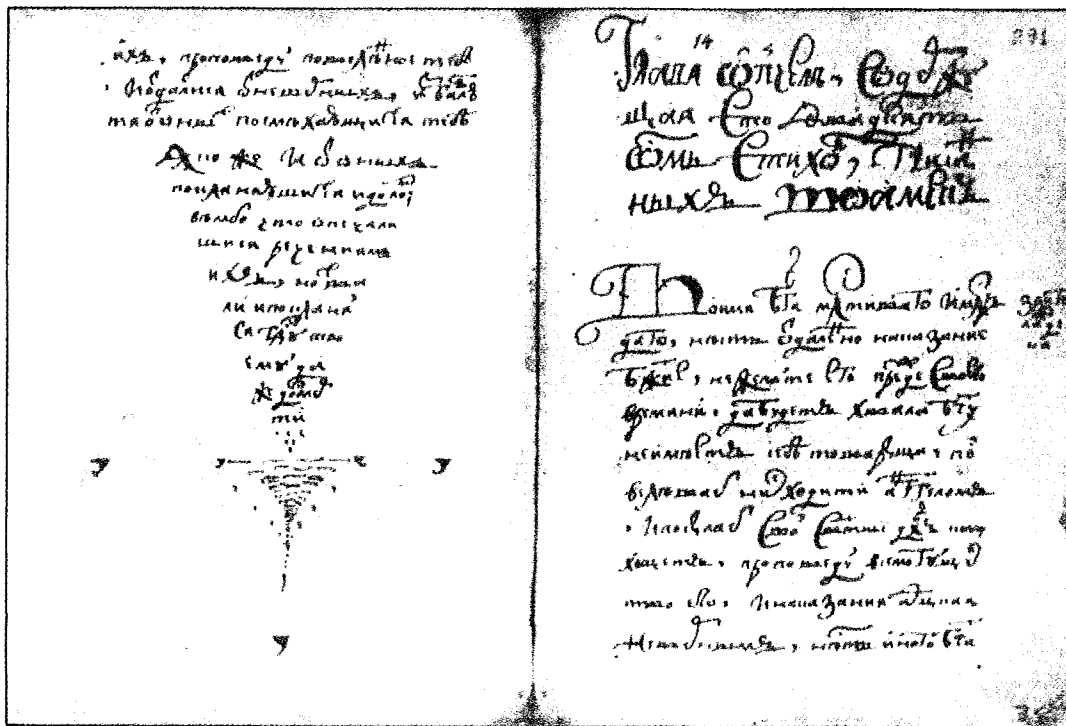

Рис. 6. Л. 290—291 (конец сūры 15—начало сūры 16) рукописи первого русского перевода Корана, осуществленного П. Посниковым (Библиотека Академии наук в Санкт-Петербурге, 33.7.6)

Падуанского университета¹⁷. Этот более точный перевод сохранился в двух рукописях¹⁸ (рис. 6).

Нуждаясь в подробной информации о предмете, Петр I поручил своему соратнику молдавскому господарю князю Дмитрию Кантемиру (1663—1723), крупному государственному деятелю и ученому (члену Берлинской академии наук), вынесшему из пребывания в Турции в юности в качестве заложника хорошее знание ислама и восточных языков, составить подробное изложение содержания Корана и жизнеописания Мухаммада¹⁹. Переводной с латыни труд Кантемира «Книга Систима

или состояние Мухаммеданския религии» был опубликован в Санкт-Петербурге в 1722 г. (рис. 7)²⁰. Возможно, рукопись именно этой книги Петр срочно требовал к себе в Астрахань специальным письмом от 18 июля 1722 г., т. е. в день начала своего персидского похода (рис. 8)²¹.

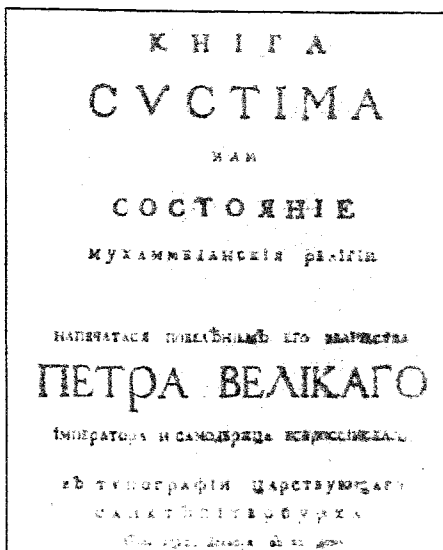

Рис. 7. Титульный лист книги Д. Кантемира «Книга Систима или состояние Мухаммеданския религии» напечатана повелением Его Величества Петра Великого Императора и Самодержца всероссийского (Санкт-Петербург, 1722)

¹⁷ В 1697 г. Посников был включен Петром в состав «Великого посольства» в Западную Европу, ему поручались задачи, которые сейчас можно было бы отнести по разведывательному ведомству. Подробнее о Посникове см.: Е. П. Шмурло, «П. Посников. Несколько данных для его биографии» (Юрьев (Дерпт), 1894), отдельный оттиск из *Ученых записок Императорского Юрьевского университета*, год 2-й, № 1 (1894), неофициальный отдел, с. 73—273; См. также: Ю. Андреев, А. Григорьев, «Переводчики и переводы Корана на русский язык: дооктябрьский период», *Коран в России* (По материалам «круглого стола» «Священный Коран в России: духовное наследие и исторические судьбы» (Москва, 1997), с. 117—140.

¹⁸ БАН, 33.7.6; РГАДА, ф. 181, № 148/217.

¹⁹ В апреле 1721 г. Дмитрий Кантемир заключил с Петром I договор об освобождении Молдавии от турецкого ига и вхождении ее в состав России. Кантемир сопровождал Петра в персидском походе, был автором текстов его манифестов, обращенных к мусульманам. Архив востоковедов (СПбФ ИВ РАН) содержит фонд Кантемира (№ 25).

²⁰ Д. Кантемир, *Книга Систима или состояние Мухаммеданския религии* напечатана повелением Его Величества Петра Великого Императора и Самодержца всероссийского (Санкт-Петербург, 1722). Подробнее о Дмитрии Кантемире см. румынское издание его труда: Dimitrie Cantemir, *Sistemul sau intocmirea religiei muhammedane*. Traducere, studiu introductiv si comentarii de Virgil Candea (Bucharest, 1977).

²¹ См.: РГИА, фонд Синода (796), шв. № 3, д. 859 (1722).

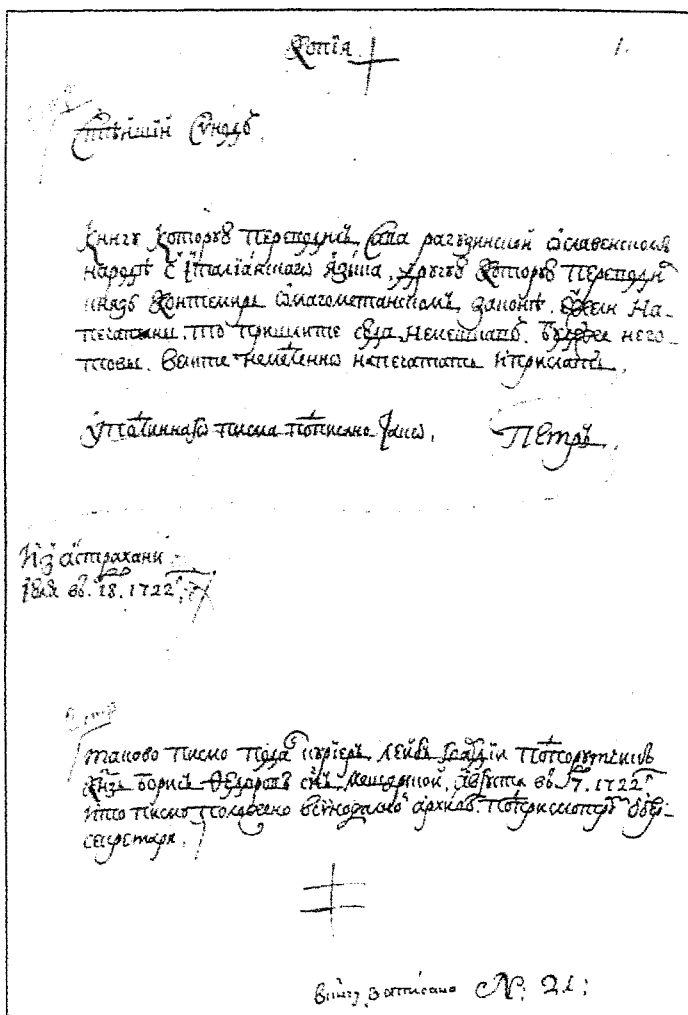

Рис. 8. Выписка из указа Петра I на имя Синода от 18 июля из Астрахани о немедленной присылке в Астрахань книги «О магометанском законе», переведенной с итальянского языка князем Кантемиром («Если эти книги напечатаны, а если еще нет, то чтоб немедленно были напечатаны»), Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге, фонд Синода (796), оп. 3, д. 859 (1722 г.). С любезного разрешения архива

Рост русских интересов на Востоке вызвал появление в течение XVIII в. целого ряда сочинений аналогичного содержания. Они пользовались большой популярностью и неоднократно

Новый период в истории Корана в России связан с правлением Екатерины II. Победы в войнах с Турцией, окончательное присоединение Крыма (1783) и других областей с мусульманским населением потребовали срочных мер по организации управления ими и умиротворению населения. Осознание плачевных для интересов государства результатов деятельности основанной по именному указу Анны Иоанновны Казанской новокрещенской конторы (1740—1764) и ее однозного главы Луки Конашевича привели к появлению в манифесте от 17 марта 1775 г. «О высочайше дарованных разным сословиям милостях по случаю заключения мира с Портою Оттоманскою» и особенно в грамоте о веротерпимости от 1785 г. ряда положений, обеспечивавших и регулировавших права мусульман на территории империи²².

В 1782 г. был учрежден *муфтийат* с местопребыванием в русской крепости Уфа. Через шесть лет здесь же создается Оренбургское магометанское духовное собрание, служители ислама впервые получают официальный статус духовного сословия (по аналогии с Православной церковью). Строятся мечети, в том числе и в Москве (1782), открываются мусульманские религиозные школы. Так, в 1771 г. в Казани были открыты Апанаевская и Ахундовская *мадраса*, в 1780 г. — Амирхановская. Татарским *мұрзъм* и башкирским старшинам были предоставлены права дворянства (1784), мусульманским купцам даны льготы в торговле с Туркестаном, Ираном, Индией и Китаем.

По указу Екатерины II (*рис. 9а, б*) в 1787 г. в частной «Азиатской типографии» в Петербурге впервые в России был напечатан полный арабский текст Корана для бесплатной раздачи «киргизцам»²³ (*рис. 10а, б*). Одновременно с этим было отдано распоряжение о строительстве мечетей за государственный счет. По словам самой Екатерины, оба мероприятия были осуществлены «не для введения Магометанства, но для приманки на уду»²⁴. Книга была издана за казенный счет. Ее появление являлось

²² См.: Указ от 17 июня 1773 г. (синодский) «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, представляя все сия светским начальствам», *Коран в России*, с. 141—143.

²³ Объем санкт-петербургского издания составил 447 страниц+1 лист — список исправлений. Всего отмечено 13 исправлений, которые являются не буквенными ошибками, а диакритическими. Данные об исправлениях напечатаны на татарском языке. См. также: *Российский государственный исторический архив (РГИА)* (Санкт-Петербург), ф. 468, оп. 43, д. 239 (1786), л. 38. По-видимому, одновременно тиражом 10 тысяч экземпляров было напечатано «молитвословие из части Алкураца». См.: *ibid.*, ф. 1329, оп. 4, д. 296, л. 3—4 (1 июля 1797 г.).

²⁴ Секретарь Екатерины Александр Храповицкий в своем дневнике в записи от 17 декабря 1786 г. приводит такие слова императрицы, сказанные генерал-прокурору князю Александру Вяземскому: «При разговоре с Г. П. (генерал-прокурором. — Е. Р.) о мечетях, на границе для киргизцов построенных, и о повелении, данном для

سورة البقرة مائتان وثمانون
وست آيات في الكوفي وهي
أول ما نزل بالنبوة وذكر قوم
أنها من نبوة سوي أبة منيا وهي
قوله تعالى واتقوا يوم ترجعوا
فيه إلى الله فإنه أنزلت يوم
البحر يمتلئ في جدد الوداع وكلما
مها ستة آلاف ومائة إحدى
وعشرون كلمة وحر وفها ستة
وعشرون ألفا وخمسون مائة
حرفا

قوله تعالى الذين يؤمنون
بالغيب أي يصدقون بأخبار
الله عز وجل عن الجنة والنار
والتيامة والحساب وأنسابه
ذلك ما يؤخذ من غريب القران
للعزيرى

وقوله تعالى الذين يقيمون
الصلاة وأقامتها إن يؤمنون بها
بجنونها كما فرض الله عز وجل
يقال قام بالامر وأقام به إذا جا
به حقوقه مأخوذ من غريب
القران للعزيرى

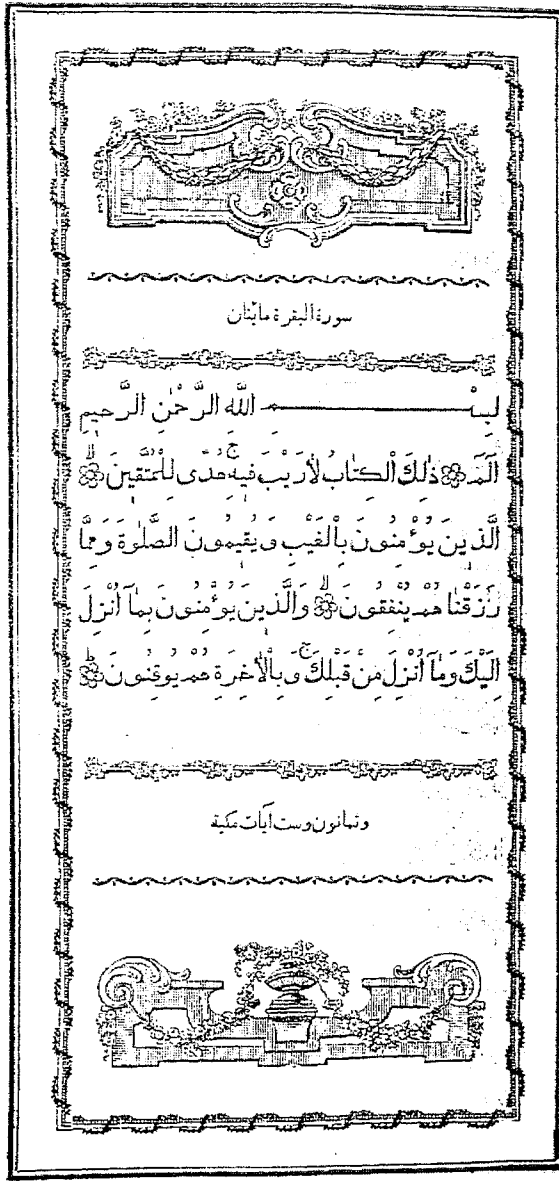
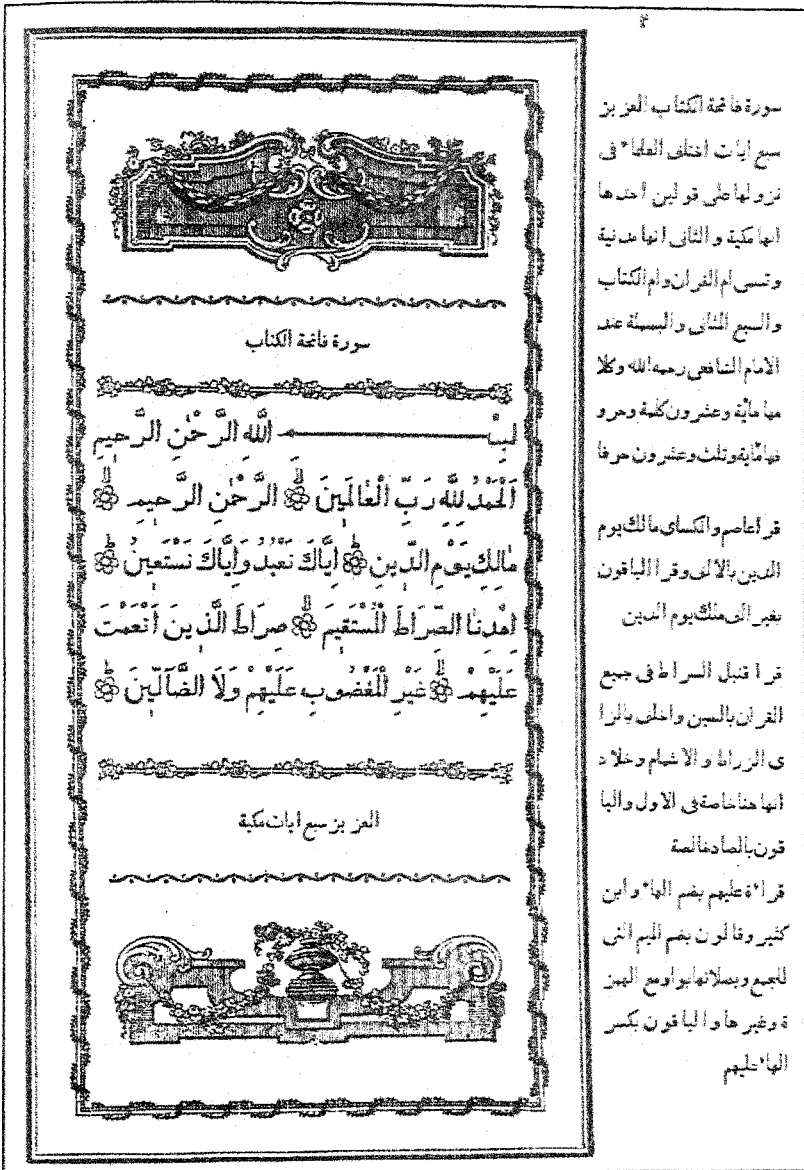

Рис. 10а. Страница 2 личного экземпляра Корана Екатерины II, ныне хранящегося в Российской национальной библиотеке (Араб 5-68) (прежде — в библиотеке Зимнего дворца). На немецком языке указаны место и год издания и то, что он напечатан по велению Екатерины II. С любезного разрешения библиотеки

سورة فاتحة الكتاب العزيز
 سبع آيات اختار العلماء في
 نزولها على قولين أحدها
 انها مكية والثاني انها مدنية
 وتسمى أم القرآن وأم الكتاب
 والسبع المثاني والسبعة عند
 الامام الشافعي رحمه الله وكلا
 هما مائة وعشرون كلمة وحرو
 فيها ثمانية وثلاث وعشرون حرفا
 قرأه اصم والكسائي مالك يوم
 الدين بالالف وقرأ الياقوت
 بغير الهمزة يوم الدين
 قرأ قبل السراطي جمع
 القرآن بالسين واحذف الراء
 في الزيادة والاشياء وخلا
 انها حنا خاصة في الاول والبا
 قون بالصاد فانصة
 قراءة عليهم بضم الهاء وابن
 كثير وقالون بضم اليم التي
 للجمع وبسلا تها يوضع الهمز
 ة وغيرها والياقوت بكسر
 الهاء عليهم

Рис. 106. Страница 3 личного экземпляра Корана Екатерины II

все арабские шрифты, существовавшие тогда в типографиях Европы²⁵. Это издание отличалось от европейских прежде всего

²⁵ «Вашему Величеству не противно будет узнать, что арабское книгопечатание петербургских художников по красоте своей признано превосходнейшим всего»

тем, что носило мусульманский характер: текст к печати был подготовлен и снабжен подробным комментарием на арабском языке (напечатан на полях) тем же *муллоу* ‘Усмāном Исма‘илом. В Петербурге с 1789 по 1798 г. вышло пять изданий Корана (по разным данным тираж составлял 1200 или 3600 экземпляров). В дальнейшем казна хорошо зарабатывала на продаже Коранов²⁶.

Факт публикации в России Корана активно использовался Екатериной во внешней политике, в частности, в ходе войны с Турцией, дав императрице возможность показать себя покровительницей ислама²⁷.

Инициативы Екатерины встретили оппозицию со стороны миссионерских кругов, где Коран по-прежнему трактовался в первую очередь как «вредоносное лжеучение», противоречившее христианской вере. Императрицу обвиняли в том, что, издавая Коран, она помогла усилению ислама среди татар. Особо ей ставили в вину решение учредить Оренбургское магометанское духовное собрание в Уфе. Однако Екатерина в целом продолжала прежний курс, способствовавший заметному росту влияния центральной власти на мусульманских окраинах империи. Купцы из российских мусульман стали посредниками между Россией и ее мусульманскими соседями, серьезно помогая ее продвижению в глубь Азии. Мусульмане стали широко привлекаться к службе в российской армии и на флоте, где для их духовного окормления были созданы специальные должности *мулл*, *ахундов* и *му‘аззинов*.

Указом от 15 декабря 1800 г. были сняты ограничения на публикацию в России исламской религиозной литературы. В 1801—1802 гг. арабский шрифт типографии Академии наук был передан в Казань, где за год до того по просьбе казанских татар при Казанской гимназии была учреждена Азиатская типография²⁸.

изданного в Европе и даже в Англии». См.: *Философская и политическая переписка императрицы Екатерины II с доктором Циммерманом с 1785 по 1792 год* (Санкт-Петербург, 1803), с. 137 (письмо Циммермана от 29 ноября 1788 г. со ссылкой на статью проф. Гейне, опубликованную в «Schriften» Геттингенского университета, № 120 от 1788 г.). См. также: И. Ю. Крачковский, «Первое издание арабских стихотворений в России». *Библиография Востока*, VIII—IX (1935—1936), с. 6.

²⁶ Согласно одному из документов, при стоимости производства тиража 9292 руб. 25 коп. прибыль от его реализации составляла 12 000 руб. (при продажной цене одной копии 6 руб. 5 коп.) (см.: *РГИА*, ф. 1329, оп. 4, д. 296, л. 5). Два фактора определили коммерческий успех этого и последующих изданий «Казанских Коранов»: мусульманский характер публикации и высокое полиграфическое качество. О неудаче значительно более раннего аналогичного европейского проекта Паганини Бриксенсиса см. выше: ч. 3, гл. 1.

²⁷ См., например, *Философская и политическая переписка*, с. 124—125 (письмо Екатерины II № 20 от 6 мая 1788 г.).

²⁸ Подробности о передаче части оборудования Санкт-Петербургской типографии Шнора в Казань, дабы «печатать потребное число Алкоранов, молитвенников

Здесь вышло из печати издание Корана, помеченное 1801 г. и очень близкое по внешнему виду Санкт-Петербургским Коранам. Экземпляры именно этого издания, выпущенные «иждивением Юнусова», а несколько позднее «иждивением Амир-Ханова»²⁹, также как и последующие его перепечатки, получили по преимуществу наименование «Казанские Кораны». В 1829 г. эта типография была присоединена к университетской, и почти до 1840 г. печатание мусульманской религиозной литературы составляло ее исключительное право.

Эти издания, получившие высокую оценку европейских ориенталистов, выдержали множество публикаций и, по существу, вытеснили в Европе предшествовавшие издания Корана. Так называемые «Казанские Кораны», воспринятые как первое мусульманское издание, получили широкое хождение и неоднократно воспроизводились на Востоке (зафиксированы и рукописные подражания)³⁰. По мнению Р. Бляшера, возможно, именно они сыграли решающую роль в многовековом процессе закрепления единообразия текста Корана³¹.

Проект Екатерины Великой по публикации и распространению Корана смог получить такое продолжение в силу особого стечения исторических обстоятельств. К середине XIX в. не только Казань, главный центр российского мусульманства, но и Бахчисарай, Оренбург, Баку, Уфа, Троицк стали значительными исламскими культурными центрами, не уступавшими по ряду направлений Стамбулу, Каиру или Бейруту. Этому способствовали промышленный рост, высокий уровень образованности корен-

---

и тому подобных книг» см.: РГИА, ф. 1329, оп. 4, д. 296, л. 12 (10 мая 1800 г.); *ibid.*, ф. 821, оп. 8, д. 830, л. 7; *ibid.*, д. 831 (1861 г.) «О признании целесообразным предоставления Азиатской типографии при Казанском университете исключительного права печатания Корана со сведениями по истории типографии». В 1861 г. министр народного просвещения признал полезным для мусульман печатание Корана исключительно в университетской типографии. Однако с этим мнением не согласилось Министерство внутренних дел, сославшись на утвержденное 25 октября 1849 г. Положение Комитета министров, согласно которому Коран мог печататься и в частных типографиях (*ibid.*).

²⁹ РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 830, л. 7 (16 февраля 1859 г.).

³⁰ До сих пор во многих семьях копии этих Коранов хранятся как драгоценная реликвия. Одна из таких копий была представлена в недавнем репортаже российского телевидения о семье адыгов, вернувшихся накануне известных событий в Россию из Косова. Их предки, выехавшие с родины в середине XIX в., бережно сохранили книгу.

³¹ R. Blachère, *Introduction au Coran* (Paris, 1947), с. 133. О «Казанских Коранах» см.: Анис Халидүф, *ал-Кутуб ал-'арабийя ахлати шуби'ат фи Руссий: 1787—1917* (Дубай, в печати); F. Schnurrer, *Bibliotheca Arabica* (Halae ad Salam, 1811), с. 418—420; П. А. Грязневич, «Коран в России», с. 76—82; Е. А. Резван, «Коран и коранистика», *Ислам: историографические очерки*, ред. С. М. Прозоров (Москва, 1991), с. 15; H. Röhlings, «Koranausgaben in Russischen Buchdruck des 18. Jahrhunderts», *Gutenberg Jahrbuch* (Mainz, 1977), с. 205—210.

ного населения, идеи религиозно-политического возрождения, охватившие самые широкие массы, и, не в последнюю очередь, влияние русской культуры. Продукция казанских типографий была одним из основных товаров на книжных рынках Бухары, Самарканда, Ташкента. Кораны, отпечатанные в Казани, можно было встретить в Иране, Афганистане, Индии, Аравии.

Однако был момент, когда судьба казанских Коранов висела на волоске. В 1849 г. прокурор Святейшего синода обратился к Николаю I с просьбой о запрещении печатания в Казани Корана в связи с тем, что это приводит к отпадению от православия крещеных татар. При этом указывалось, что только в одной из частных казанских типографий в течение года было опубликовано 200 тысяч экземпляров Корана. На докладе появилась резолюция царя: «Печатание Корана и других мусульманских духовных книг можно запретить». Дело было отдано на рассмотрение Комитета министров³². Казанский военный губернатор сообщил, что, в действительности, с 1841 по 1846 г. в двух частных казанских типографиях было напечатано 26 тысяч экземпляров полного текста Корана и его частей. Тираж других мусульманских книг религиозного содержания составил 45 тысяч экземпляров. Аналогичные цифры по казанской университетской типографии за период 1841—1849 гг. составили тридцать 33 и 36 тысяч экземпляров.

Было признано также, что как Коран, так и книги религиозного содержания печатаются на языках, которыми абсолютное большинство татар не владеет. Более того, основная часть тиражей отправлялась за пределы Поволжья и составляла заметную статью в торговле России с государствами Средней Азии, где высококачественные российские издания завоевали рынок, вытеснив конкурентов. Прекращение издания мусульманских книг в Казани привело бы, по мнению Комитета министров, к переходу книжной торговли в руки англичан и контрабанде мусульманской литературы в Российские пределы, придало бы Корану в глазах мусульман еще большую важность и ожесточило бы их против христианства. Было установлено отсутствие связи между ростом мусульманской печати и отпадением крещеных татар от православия. В этой связи существовавшая практика была сохранена, а цензура усилена с тем, чтобы в издаваемых книгах «не помещалось никаких вредных толкований или рассуждений противу правительства и православия»³³.

Почти одновременно с текстом Корана, изданного по инициативе Екатерины, были опубликованы два новых его перевода, сыгравшие заметную роль в культурной жизни России. Ав-

³² РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 2033 (11 октября 1849 г.), л. 12—19.

³³ *Ibid.*, л. 18.

тором перевода, опубликованного в 1790 г. (опять с французского перевода дю Рие), был известный русский литератор М. И. Вревкин (1732—1795), первый директор Казанской гимназии, где его стараниями было введено, в частности, преподавание восточных языков³⁴.

Вревкин прекрасно владел рядом языков. В 1763 г. он получил должность переводчика при личном Кабинете Екатерины II. Несомненно, хорошей подготовкой к переводу Корана была его работа над сочинением, посвященным сравнительному анализу русской библейской терминологии с аналогичной латинской, немецкой и французской, а также переводы трудов аббата Миньо «История Оттоманской империи» и Игнаса д'Оссона «Полная картина Оттоманской империи».

Два года спустя в Петербурге появился перевод Корана, сделанный поэтом А. Колмаковым (ум. 1804)³⁵, на этот раз с отражавшего новый уровень европейской ориенталистики английского перевода, принадлежавшего Дж. Сэйлю. Колмаков — профессиональный переводчик с английского, служил в Адмиралтейской коллегии, занимаясь по службе в основном техническим переводом. Вне службы он переводил английскую прозу и писал стихи, выпустив в 1791 г. собственный сборник.

Однако именно переводу М. И. Вревкина суждено было сыграть важную роль в истории русской литературы. Талантливый и плодовитый ученый, комедиограф и переводчик, член Российской и Императорской академий наук, М. И. Вревкин сумел придать своему переводу высокие литературные достоинства. Церковнославянский элемент, внесенный Вревкиным в свой перевод Корана, привел к торжественности стиля, которой и ожидал читатель Священной книги. Именно этот перевод вдохновил А. С. Пушкина на создание в 1824 г. поэтического переложения

³⁴ Книга Аль-Коран аравалянина Магомета, который в шестом столетии выдал оную за ниспосланную к нему с небес, себя же последним и величайшим из пророков божиих. Перевод с арабского на французкий язык Андрея дю-Рюэра-де ла Гару Малезера, одного из поместных дворян короля Французского, достохвально и через многие годы служившего отечеству своему, при Порте Оттоманской снискавшего полную доверенность султана Амурата Третьего, что был от него послан к Лудовику третьему... Печатана в Амстероаме и Лейпциге в 1770 г., по российский же переложена в сельце Николаеве Слинской округи, 1790 г. [М. И. Вревкиным], ч. 1—2 (Санкт-Петербург, 1790).

³⁵ Ал-Коран Магомедов, переведенный с арабского на английский с приобщением к каждой главе на все темные места изъяснительных исторических примечаний, выбранных из самых достовернейших историков и арабских толкователей Ал-Корани Георгием Сейлем и с присовокуплением обстоятельного и подробного описания жизни лжепророка Магомеда, сочиненного славным доктором Придо. С английского на российский перевел Алексей Колмаков, ч. 1—2 (Санкт-Петербург, 1792), изданием Василия Соликова при Императорской Академии наук. Приложение имеет отдельный титульный лист: в подзаголовке: «На российский язык перевел П[етр] А[ндреев]».

фрагментов тридцати трех *сūr* — знаменитых «Подражаний Корану». Коранические реминисценции находят также и в ряде других произведений поэта (например, в стихотворении «Пророк», практически всегда входившем в России в школьные программы по литературе)³⁶. Интерес А. С. Пушкина к Корану во многом связан с противоречивыми тенденциями в оценке ислама европейскими романтиками.

Творения А. С. Пушкина способствовали заметному росту интереса к Корану в самых широких кругах русских читателей. Кораном интересуются знаменитые русские писатели и философы П. Я. Чаадаев, Л. Н. Толстой, В. С. Соловьев. Прекрасный переводчик восточной поэзии М. Л. Михайлов (1829—1865) опубликовал фрагменты Корана в стихотворном переводе.

В 1864 г. выходит в свет последний русский перевод Корана, выполненный не с оригинала. Он принадлежал перу К. Николаева³⁷ и был выполнен с французского перевода известного востоковеда и дипломата А. Б. Казимирского, сохранявшего популярность во Франции вплоть до 1920-х гг. Перевод Николаева, связанного с кружком славянофилов, обладал высокими литературными достоинствами. Этот труд, избавивший читателей от необходимости обращаться к старым трудночитаемым переводам Корана, выдержал до 1917 г. пять публикаций. В 1998 г. он был переиздан в Казахстане в подарочном варианте и посвящен переносу казахской столицы из Алма-Аты в Астану.

В 1859 г. на средства, предоставленные членом Синода Русской православной церкви архиепископом Казанским Георгием (с тем, чтобы часть экземпляров была передана в Казанскую духовную академию, где стараниями владыки было открыто отделение восточных языков), был издан «Полный конкорданс Корана или ключ ко всем словам и выражениям его текстов для

³⁶ В. С. Соловьев, «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина», В. С. Соловьев, *Сочинения*. vii (Санкт-Петербург, б. г.), с. 350—355; Н. Н. Черняев, «Пророк» Пушкина в связи с его же «Подражанием Корану» (Москва, 1908); К. С. Кашталева, «„Подражания Корану“ Пушкина и их первоисточник», *Записки Коллегии востоковедов*. V (1930), с. 243—270; В. И. Филленко, *Подражания Корану Пушкина* (Симферополь, 1928); Б. В. Томашевский, *Пушкин*, ii (Москва; Ленинград, 1961), с. 23—25. W. N. Vickery, «Towards an Interpretation of Puchkin's „Podrazhania Korani“», *Canadian-American Slavic Studies*. XI/1 (Irvine, 1974), с. 61—77; С. А. Фомичев, «„Подражания Корану“: генезис, архитектоника и композиция цикла», *Временник Пушкинской комиссии. 1978* (Ленинград, 1981), с. 41—52; Вяч. В. Иванов, «Темы и стили Востока в поэзии Запада», *Восточные мотивы* (Москва, 1985), с. 431—434; Г. В. Касимов, «„Святая заповедь Корана...“ (К истолкованию «Подражаний Корану)», *Пушкин и мир Востока* (Москва, 1999), с. 170—176.

³⁷ *Коран Магомета, переведенный с арабского на французский переводчиком Французского посольства в Персии Казимирским. С примечаниями и жизнеописанием Магомета. С французского перевел К. Николаев* (Москва, 1864).

руководства к исследованию религиозных, юридических, исторических и литературных начал сей книги» (рис. 11). Труд принадлежал перу Мйрзы Мухаммада ‘Али Гаджи Қасим оглы (Александра Касимовича) Казем-Бека (1802—1870) — личности во многих отношениях незаурядной.

Мйрзā А. Казем-Бек принадлежал к благородному дербентскому роду и родился в г. Реште (Персия), где его отец, возвращавшийся из паломничества в Мекку, нашел свое счастье в лице красавицы по имени Шараф Нисā. Юноше, получившему лишь традиционное мусульманское образование, суждено было стать, по отзывам современников и потомков, «одним из блистательнейших украшений ориентального мира» и «патриархом русского ориентализма». Он стал создателем знаменитой казанской школы востоковедов, воспитателем плеяды петербургских ориенталистов, первым деканом факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета и заслуженным профессором этого университета, трижды лауреатом Демидовской премии Академии наук, членом-корреспондентом Санкт-Петербургской академии наук (1835), действительным членом ряда европейских и американских академий и научных обществ. Его работы по языкознанию, истории, философии, юриспруденции, литературе мусульманского Востока принесли ему не только всероссийскую, но и европейскую славу. В 1851 г. по выходе английского издания книги «Дербент-наме» Казем-Бек был удостоен золотой медали королевы Великобритании³⁸. Как показывают архивные документы, в том числе и цитируемые ниже, Казем-Бек был одним из главных правительственных экспертов в делах, так или иначе связанных с исламом.

Работа над «Конкордансом» продолжалась более 25 лет (с 1834 г.) и неоднократно прерывалась как в связи с личными обстоятельствами жизни автора, так и из-за опасений, что публикации подобных работ в Калькутте («Нуджум ал-Фурқан», начало публикации — 1836 г.) и в Лейпциге («Concordantiae Corani Arabicae» Г. Флюгеля, 1842 г.) обесмыслят многолетний труд. Однако особенности и достоинства подхода Казем-Бека³⁹ (его «Конкорданс» построен не по этимологическому принципу — словарные гнезда расположены в простом алфавитном порядке,

³⁸ Подробнее о личности М. А. Казем-Бека см.: А. К. Рзаев. *Мухаммад Али Казем-Бек* (Москва, 1989).

³⁹ В качестве методической основы для своего труда Казем-Бек избрал систему, предложенную А. Круденом, составителем конкорданса к тексту Библии (A. Cruden, *A Complete Concordance to the Holy Scripture of the Old and New Testament* (Berick, 1817), 8th edn).

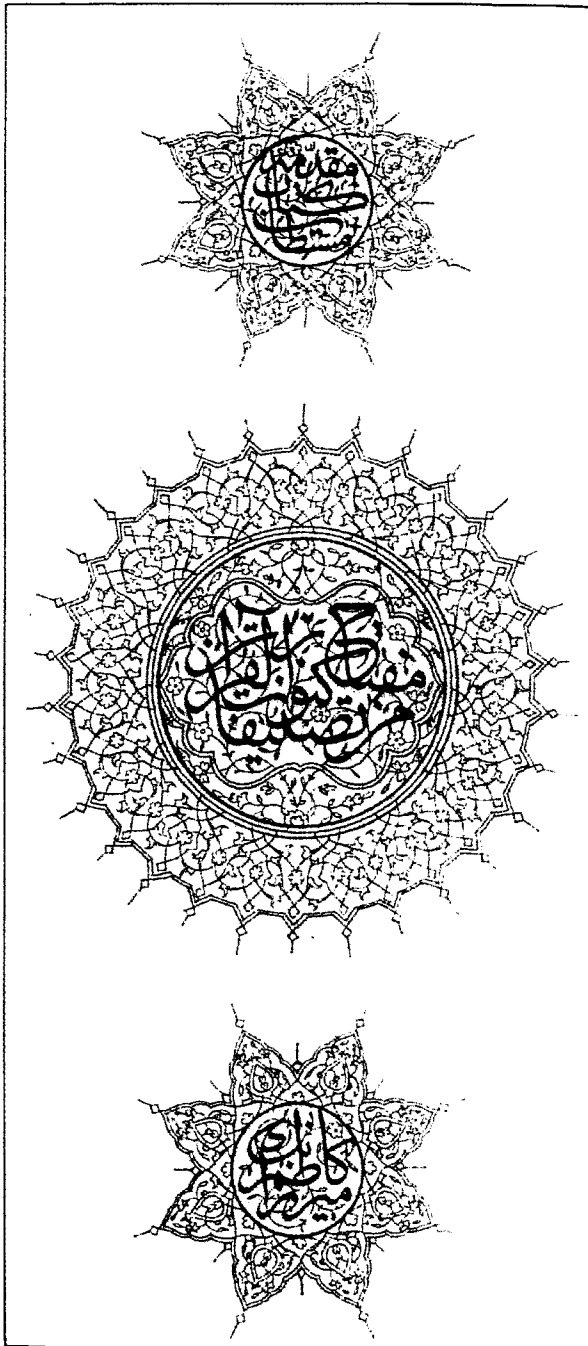

Рис. 11. Титульный лист труда М. А. Казем-Бека «Полный конкорданс Корана или ключ ко всем словам и выражениям его текстов для руководства к исследованию религиозных, юридических, исторических и литературных начал сей книги» (Санкт-Петербург, 1859)

весьма удобном для неарабистов, и содержат все контексты употребления)⁴⁰ убедили автора в необходимости издания. В 1855 г. Казем-Бек за свой труд (тогда еще рукописный) был удостоен персидского ордена Льва и Солнца I степени⁴¹.

Книга, изданная на деньги Православной церкви, вызвала нападки невежественных ортодоксов, обвинявших автора в попытках пропаганды ислама за православный счет. Казем-Беку пришлось публично разъяснять характер и важность своего труда⁴².

Появление данной работы стало свидетельством преодоления отечественным исламоведением многовекового отрыва от западной ориенталистики. В это время в России складываются имеющие мировое значение рукописные коллекции, включающие большое количество первоклассных рукописей Корана.

Коллекции рукописей и фрагментов Корана начали формироваться в России вместе с основанием в Санкт-Петербурге Публичной библиотеки (1795 г., ныне — Российская национальная библиотека) и Азиатского музея Академии наук (1818 г., ныне — Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН). За годы активной собирательской деятельности здесь возникли коллекции Коранов, являющиеся крупнейшими в России и одними из крупнейших в Европе (228 единиц описания — РНБ и 171 единица описания — СПбФ ИВ РАН). Имеющиеся здесь рукописи представляют собой образцы книжной продукции 12 веков — с конца VII—начала VIII в. до конца XIX в., т. е., по существу, весь период бытования арабской рукописной книги. Географический ареал громаден — от Белоруссии до Западной Африки. Рукописи Корана составляют лишь небольшую часть собраний, что существенно меньше доли Корана в общем объеме книжной продукции мусульманского мира — в коллекцию Азиатского музея и Публичной библиотеки попадали, как правило, лишь списки, в каком-либо отношении примечательные.

История коллекций Корана в общих чертах повторяет историю сложения мусульманской части указанных рукописных собраний в целом. Кораны были в числе первых приобретений как

---

⁴⁰ За последние годы вышло из печати несколько словарей, основанных на этой и сегодня еще новой для арабистики алфавитной системе подачи материала: Джибран Мас'уд, *Ал-'Ожам лузавй 'асри* (Бейрут, 1967), 2-е изд.; М. эль-Массарани, В. С. Сеголь, *Арабско-русский словарь сирийского диалекта* (Москва, 1978).

⁴¹ Свое значение труд Казем-Бека сохраняет и сегодня. По своим достоинствам он вполне сопоставим с аналогичной работой Мухаммада Фу'ада 'Абд ал-Баки, «Ал-Му'джам ал-муфакхас ли-л-алфаз ал-Куран ал-карим» (Бейрут, б. г.), но для современного читателя имеет один серьезный недостаток, который, однако, нельзя ставить в вину ученому — «Конкорданс» Казем-Бека основан на тексте Корана, изданном Густавом Флогелем, повсеместно вытесненным каирским изданием (1919, 1923, 1928).

⁴² *Журнал Министерства народного просвещения*, CXIII (1859), с. 23; М. А. Казем-Бек, «Необходимое объяснение», *Северная пчела*, № 84 (1860), с. 9.

Депо манускриптов Публичной библиотеки, так и Азиатского музея. Списки Корана были и среди последних поступлений, обогативших рукописные коллекции. На протяжении всего XIX в. уникальные и редкие списки и фрагменты Корана активно приобретались у частных лиц в Европе и на Востоке, поступали в фонды в качестве дарений как составная часть военных контрибуций и т. п. Особое значение имело приобретение Публичной библиотекой у наследников французского востоковеда Ж.-Ж. Марселя (1776—1854) большей части собрания арабских рукописей (133 единицы хранения, ныне фонд 921), составленного им во время пребывания с экспедицией Бонапарта в Египте. Гордость коллекции — фрагменты куфических Коранов, происходящих, главным образом, из мечети А'мра б. ал-'Аса (Каир, построена в 643 г.). Это собрание занимает первое место в Европе и одно из первых мест в мире по количеству рукописей почерка *кūfī* и арабских пергаментных рукописей. К коллекции Марселя примыкают ранние коранические фрагменты, хранящиеся в СПбФ ИВ РАН (20 единиц хранения).

В 1869 г. в Публичную библиотеку Туркестанским генерал-губернатором фон Кауфманом был передан так называемый «Коран Османа» или «Самаркандский куфический Коран», принадлежавший мечети Х'аджа-Ахрара в Самарканде, несомненно, один из наиболее выдающихся экземпляров Корана в мире⁴³. Ученник основателя школы русской арабистики В. Р. Розена (1849—1908) А. Ф. Шebuнин (1867—?), подробно проанализировавший и описавший данный список, установил его ближневосточное происхождение (предположительно — Ирак) и время создания (П в. *хиджры*)⁴⁴. Эта работа во многом предвосхитила сформу-

⁴³ Одновременно была предпринята попытка перевезти в Санкт-Петербург и мраморную подставку, как считалось, сделанную специально под этот список (на самом деле — для изготовленной ок. 1400—1405 гг. по приказу Тимура гигантской рукописи Корана, выполненной почерком *мухаққак* каллиграфом 'Умаром ал-Ақта'. Данный список, известный как «Коран Байсонқура», многократно использовался в церемониях возведения на трон правителя страны. См.: А. Мунинов, «Коран Байсонгура», *Ислам на территории бывшей Российской империи*, ii, с. 50). Массивная подставка (*лаух*) была украшена многочисленными надписями и стояла посреди мечети (перед *михрабом*) при полуразрушенном медресе Бибі Ханым в Самарканде. От идеи перевезти подставку в Санкт-Петербург отказались в связи с ее громадной тяжестью. Надписи были скопированы А. Л. Куном. Копии с них хранятся ныне в архиве Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург), ф. 1/1868, д. 25, л. 14 об.—15. Переписку по поводу подставки под «Коран Османа» см.: *ibid.*, л. 13—13 об.; 15 об.; 22—22 об. См. также: Д. А. Абдуллоев, «Лаух», *Ислам на территории бывшей Российской империи*, с. 54—55.

⁴⁴ Любопытно отметить, что труд А. Ф. Шebuнина был издан в Санкт-Петербурге на татарском языке:

ا.ف. شېبونين، خط كوفى قرآنى قصه سندن روسچە زدين تر كى تلينه قاىو
 يردين چغوين هم نچوك حاصل قىلوين هم ته طريقه ايلان بيبلى اوتيقاله كلوين

лированные лишь через четверть века иден Г. Бергштрессера и А. Джеффри о необходимости планового изучения и описания ранних списков Корана.

В 1905 г. в Санкт-Петербурге факсимиле с прорисовки этой рукописи было опубликовано С. И. Писаревым в виде полноразмерного гигантского фолианта⁴⁵. Лишь небольшая часть тиража (в 50 экземпляров) попала на книжный рынок. На протяжении ряда лет это издание было популярным дипломатическим подарком российского правительства на мусульманском Востоке (его получили, в частности, правители Турции, Ирана, Афганистана, Бухары). Одна из копий была преподнесена самому государю императору.

В 1942 г. А. Джеффри и И. Мендельсон, работавшие с изданием С. И. Писарева, на новом научном уровне подробно проанализировали особенности этого списка⁴⁶. В их распоряжении уже было каирское издание Корана, в то время как А. Ф. Шебунин сличал орфографию списка по изданию Флюгеля, наиболее авторитетному в его время. В этой связи понятно, что количество разночтений, выявленных А. Джеффри и И. Мендельсоном, существенно меньше, чем отмечено А. Ф. Шебуниным.

Огромной удачей стало приобретение в 1937 г. Институтом востоковедения у наследницы И. Г. Нофаля, выходца из Триполи (Ливан), профессора арабского языка и мусульманского права в Учебном отделении восточных языков МИД, значительного фрагмента Корана, выполненного почерком *хиджзй* (около 40% текста). Сегодня очевидно, что изучение этой рукописи, сохранившей следы этапов фиксации Священного текста, представляет первостепенный интерес⁴⁷.

Рукописи из петербургских собраний могут послужить интересным источником для изучения локальных традиций переписки и оформления книги, переплетного дела, истории частных и общественных книжных собраний. Особое значение имеет

اعلا قیلور اوچون روایت هم اخبار لاریازولدی / مترجم: اوروسف حسین
(بطرسبورغ، ۱۹۰۵).

Близкую параллель «Корану Османа» Шебунин обнаружил в Египте. См.: А. Ф. Шебунин, «Куфический Коран Хедивской библиотеки в Каире», *Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества*, XIV (1901), с. 119—154.

⁴⁵ Самаркандский куфический Коран по преданию писанный третьим халифом Османом (644—656). Издано при Санкт-Петербургском Археологическом институте В. И. Успенским и С. И. Писаревым (Санкт-Петербург, 1905). Об этом издании и о других копиях «Корана Османа» см. выше: ч. 2, гл. 1.

⁴⁶ А. Jeffery, I. Mendelsohn, «The orthography of the Samarqand Qur'an codex», *Journal of American Oriental Society*, III (1942), с. 175—194.

⁴⁷ См. выше: ч. 2, гл. 1.

изучение списков, созданных в мусульманских общинах на территории Российской империи: в Средней Азии, Поволжье, мусульманских районах Закавказья, Крыму⁴⁸, Балтийском регионе, а также в Восточной Европе вне исторических пределов России. Изучение этих рукописей позволит выявить, в частности, характер и историю взаимовлияний внутри исламской общины России, контактов российских мусульман с их зарубежными единосверцами (рис. 12).

В разное время работе с коллекциями рукописей Корана, описанию их отдельных частей и особенно примечательных экземпляров⁴⁹ значительное время уделяли Х. Д. Френ, В. Р. Розен, В. В. Вельяминов-Зернов, И. Ю. Крачковский, В. А. Крачковская, В. И. Беляев, А. Б. Халидов, П. А. Грязневич, М. Б. Пиотровский. Происхождение ряда экземпляров связано с именами П. П. Дубровского, С. С. Уварова, Н. В. Ханыкова, Б. А. Дорна, И. Ю. Крачковского, ряда других видных деятелей российской науки⁵⁰.

⁴⁸ Автор планирует посвятить специальную статью коллекции крымских Коранов, хранящейся в РНБ.

⁴⁹ О рукописях Корана в России помимо работ, упомянутых выше, см.: *Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Impériale publiée de St. Pétersbourg* (St. Petersburg, 1852); *Арабские рукописи Института востоковедения АН СССР: Краткий каталог*, ред. А. Б. Халидов, сост.: С. М. Бацнева, А. С. Боголюбов, К. А. Бойко, О. Г. Большаков, П. А. Грязневич, А. И. Михайлова, Л. И. Николаева, С. Б. Певзнер, М. Б. Пиотровский, А. Б. Халидов, Т. А. Шумовский (Москва, 1986); О. Б. Фролова, Т. П. Дерягина, *Арабские рукописи Восточного отдела научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета: Краткий каталог* (Санкт-Петербург, 1996); В. В. Вельяминов-Зернов, «Описание ящика для Корана (из собрания князя М. А. Оболенского)», *Записки Императорской Академии наук*, № 268 (1890), с. 1—8; И. Ю. Крачковский, «Описание собрания Коранов, привезенных из Трапезунда академиком Ф. И. Успенским», *Известия Академии наук*, VI серия, XI (1917), с. 346—349; *idem*, «Рукопись Корана в Пскове», *Доклады Академии наук*, серия В (Востоковедение) (1924), с. 165—168 (статья переизд.: *idem*, *Избранные сочинения*, I (Москва, 1961), с. 162—164; *idem*, «Куфический Коран и „бабушка арабка“», *Над арабскими рукописями* (Москва: Ленинград, 1949); переизд.: *idem*, *Избранные сочинения*, I (Москва, 1961), с. 115—118; В. А. Крачковская, «Редкая рукопись Корана XVI века», *Краткие сообщения Института народов Азии (арабские страны)*, XLVII (Москва, 1961), с. 38—42; В. В. Лебедев, О. В. Васильева, «Восточные рукописные фонды Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», *Archaeographia orientalis: Материалы рабочего совещания по проблемам восточной археографии. Ленинград, 1—4 марта 1988 г.* (Москва, 1990), с. 93—119; В. В. Полосин, «Фонды рукописей и старопечатных книг, актовых и эпиграфических материалов на языках народов советского и зарубежного Востока в СССР», *ibid.*, с. 178—204; E. Rezvan, «The first Qur'āns», *Pages of Perfection. Islamic Paintings and Calligraphy from the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg* (Milan, 1995), с. 108—117; *idem*, «Qur'āns made on commission», *ibid.*, с. 301—313); см. также описания: № 5, 6, 27, 34, 55 (аналогично во французском, немецком и итальянском изданиях).

⁵⁰ В России помимо Санкт-Петербурга коллекции Корана имеются в Казани, Уфе, Махачкале, Грозном и Москве. Из республик бывшего СССР наиболее интересные коллекции собраны в Узбекистане (Ташкент, Бухара, Самарканд), Азербай-

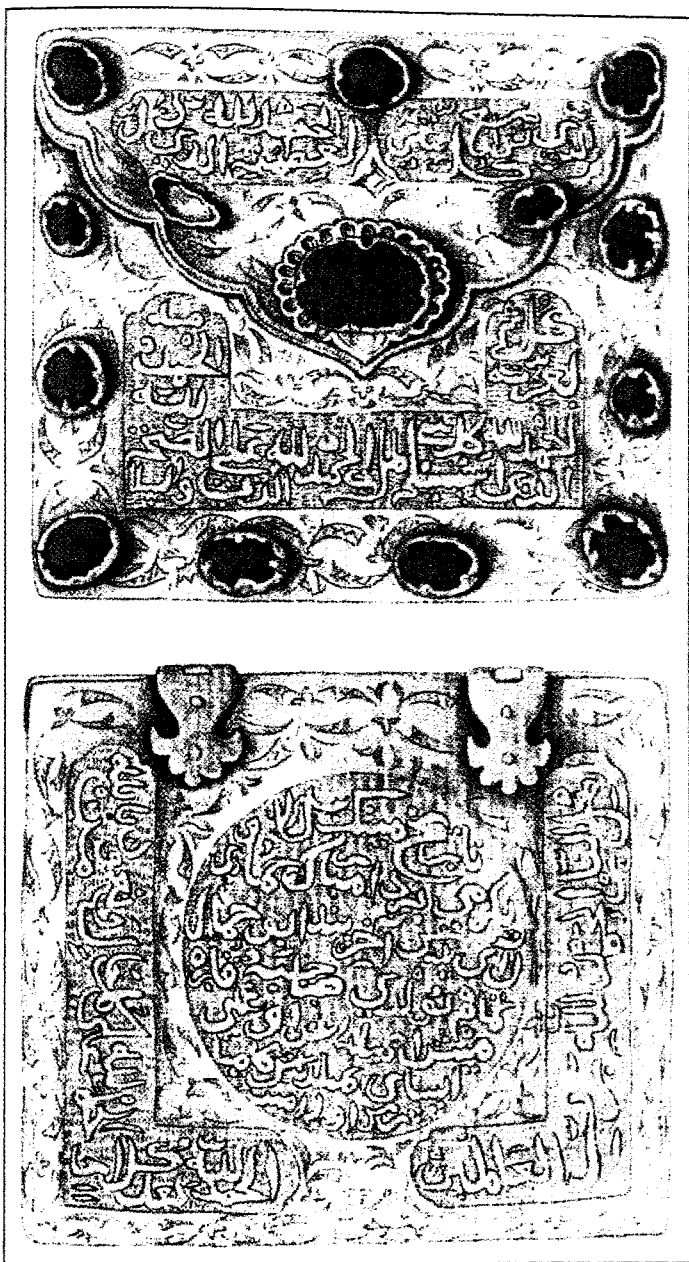

Рис. 12. Фрагмент ящика для хранения рукописи Корана из Касимова (Рязанская обл.). Ныне хранится в Государственном Эрмитаже. Прорисовка по: В. В. Вельяминов-Зернов. «Описание ящика для Корана (из собрания князя М. А. Оболенского)». *Записки Императорской Академии наук*, № 268 (1890)

джане (Баку), Таджикистане (Душанбе), Туркмении (Ашхабад), Казахстане (Алма-Ата), Армении (Ереван), Грузии (Тбилиси).

В начале 60-х гг. XIX в. Россия, сломив долгое сопротивление горцев, окончательно завоевала Северный Кавказ, где ислам в форме мюридизма был главной идеологической опорой сопротивления российской экспансии. Судьба Д. Н. Богуславского (1826—1893), первого русского переводчика Корана непосредственно с первоисточника (перевод завершён в 1871 г.), оказалась связанной с легендарной личностью имама Шамйля, вождя горских племен Северного Кавказа.

Д. Н. Богуславский, вольнослушатель Восточного факультета Петербургского университета, первый пристав при Шамйле в Санкт-Петербурге и Калуге, многие годы служил *драгомано* русского посольства в Константинополе. Его перевод отличался высокой точностью и незаурядными литературными достоинствами, однако после публикации в 1878 г. в Казани перевода Г. С. Саблукова (1804—1880)⁵¹ Д. Н. Богуславский решил отказаться от издания своей работы⁵².

Перевод Г. С. Саблукова явился важнейшим достижением «казанской школы» исламоведения, связанной с православной миссионерской деятельностью. Представители этой школы охотно пользовались европейскими исследованиями, переводили их (например, «Историко-критическое введение в Коран» Г. Вейля⁵³), причем критический пафос западных исследователей еще более усиливался в русских переработках. Перу представителей казанской школы принадлежит множество работ, однако лишь Г. С. Саблукову удалось создать оригинальные исследования. Помимо перевода Корана, в 1879 г. он выпустил «Приложения» — в то время лучший указатель к Корану в Европе. Уже после смерти автора, в 1884 г. был опубликован и его обзорный труд о Коране⁵⁴.

В выборе материалов Г. С. Саблуков сознательно ограничился собственно мусульманской литературой по предмету. Пе-

⁵¹ *Коран. Законодательная книга мхаммеданского вероучения*, пер. и прил. к переводу Г. Саблукова (Казань, 1877), Комиссия Миссионерского противомусульманского сборника при Казанской духовной академии.

⁵² Этот перевод был издан спустя более 100 лет после создания, см.: *Коран*, пер. и коммент. Д. Н. Богуславского, публ. Е. А. Резван при участии А. Н. Вейрауха (Санкт-Петербург, 1995). В 2000 г. в Стамбуле в издательстве «Сагги Уаутлаги» вышло пиратское издание перевода Д. Н. Богуславского, осуществленное Шабаном Куртом (Şaban Kurt). Подробнее о переводе Д. Н. Богуславского и его авторе см.: И. Ю. Крачковский, «Перевод Корана Д. Н. Богуславского», *Советское востоковедение*, III (1945), с. 293—301; А. Н. Вейраух, «Российский дипломат Д. Н. Богуславский — автор перевода Корана», *Коран*, пер. и коммент. Д. Н. Богуславского, с. 543—546. Д. Н. Богуславский перевел также известный сборник «Сорок хадисов».

⁵³ Г. Вейль, *Историко-критическое введение в Коран*, пер. с нем. Е. Малой (Казань, 1875).

⁵⁴ Г. Саблуков, *Приложение к переводу Корана* (Казань, 1879); *idem*, *Сведения о Коране, законоположительной книге мхаммеданского вероучения* (Казань, 1884).

ревод Г. С. Саблукова был многократно переиздан (к изданию 1907 г. был приложен и арабский текст) и вплоть до 1961 г. удовлетворял нужды науки и разнообразные запросы русского читателя.

Хотя в отличие от ряда других деятелей казанской школы Г. С. Саблуков исповедовал весьма умеренные взгляды, они, тем не менее, в целом вполне соответствовали общему полемическому настрою, характерному для востоковедов-миссионеров Казанской духовной академии. Уже к концу XIX в. стало ясно, что жесткая идеологическая заданность исламоведческих работ представителей этой школы привела к тому, что значение их трудов в своей совокупности или отрицательно, или ничтожно. Однако В. Р. Розен считал эти тенденции очень опасными для науки и вел систематическую борьбу с этим направлением⁵⁵, разъясняя несоответствие его элементарным научным требованиям⁵⁶. Характерным для казанской школы был отказ включить в «Православную богословскую энциклопедию» статью «Коран», заказанную получившему образование в России уроженцу Палестины П. К. Жузе (1871—1942), в которой автор пытался использовать новейшие для того времени научные достижения.

С общей научной атмосферой в Казани, возможно, связана и трагедия всей жизни Г. С. Саблукова. Превращение талантливого востоковеда, археолога и историка в востоковеда-миссионера не могло не сказаться на направленности его научных работ и на их качестве. Миссионерская заданность коранических штудий Г. С. Саблукова особенно ярко проявилась во второй части его работы «Сведения о Коране, законоположительной книге мохаммеданского вероучения», посвященной рассмотрению «внутренних качеств Корана».

⁵⁵ И. Ю. Крачковский, «Чернышевский и ориенталист Г. С. Саблуков», *Н. Г. Чернышевский (1889—1939): Труды научной сессии к 50-летию со дня смерти* (Ленинград, 1941), с. 34—45; переизд.: *idem, Избранные сочинения*, I (Москва, 1961), с. 213—224. Общую крайне низкую оценку работ студентов и преподавателей Казанской духовной академии см. в рецензиях В. Р. Розена, в серии рецензий, опубликованных в *Записках Восточного отделения Императорского русского археологического общества*, II (1887), с. 157—159, 283—301; IV (1889), с. 422—425; VIII (1894), с. 362—367.

⁵⁶ Естественно, что с представителями казанской школы полемизировали и мусульманские публицисты. Среди последних был, например, Хасан-‘Атā б. Мухаммад б. Убайдаллах б. Калымаллах Габāши (1863—1936) — видный общественный и религиозный деятель, историк, педагог, крупнейший представитель джадидистского движения. Его перу принадлежит многостраничный трактат «Ефим Маловка раддийа», в котором он вступает в философскую полемику с книгой известного казанского публициста миссионерского направления Е. Малова «Об Адаме по учению Библии и по учению Корана. Разговор протоиерея Евфимия Малова с ученым муллой» (Казань, 1885). См.: Р. Р. Салихов, «Габāши. Хасангата», *Ислам на территории бывшей Российской империи*, с. 24—25.

Переводы XIX в. по большей части восходили к мусульманской традиции и воспроизводили поэтому понимание Корана, характерное для эпохи и социально-культурного окружения того или иного мусульманского экзегета или группы авторов. Если говорить о русских переводах, то труд Г. С. Саблукова был основан на сочинениях, популярных в татарской среде, работа Д. Н. Богуславского — главным образом на турецком сочинении «Тафсир ал-мавакиб» Исмā'ила Фарруха (ум. 1840), в свою очередь использовавшего в качестве основы персидский «Тафсир-и Хусайнӣ» Хусайна Ва'иза (ум. 1505). Такой подход диктовался во многом практическими потребностями и запросами эпохи. Перевод Г. С. Саблукова возник из необходимости иметь адекватное представление о «татарском исламе», что было исключительно важно для успеха миссионерской деятельности. Труд генерала Д. Н. Богуславского, на протяжении долгих лет связанного с проведением внешней политики России на Востоке, был попыткой передать то, как понимался Коран в соседних с Россией мусульманских странах (ср. упомянутые выше работы Э. Уэрри и А. Казимирского).

Появлению первых русских переводов Корана непосредственно с оригинала предшествовала публикация в 1863 г. в Казани И. Ф. Готвальдом (1813—1897), а затем в 1881 г. в Санкт-Петербурге В. Ф. Гиргасом (1835—1887) специальных словарей к Корану⁵⁷.

Вторая половина XIX в. — период резкого усиления влияния России на Среднем Востоке и в Центральной Азии. 1889 г. ознаменовался присоединением к России Туркестанского края. В состав империи наряду с мусульманскими народами, которые жили в ее границах прежде, влилось многомиллионное мусульманское население, сохранившее структуру своих отношений в рамках мира ислама и многовековую традицию толкования Корана. Вскоре власти столкнулись с ростом пантюркистских и панисламских настроений, объективно ставших оружием в руках правителей Османской Турции. «Кровь наша — турецкая, язык — турецкий, вера — священный Коран ислама, поэтому мы — одна нация» — таков был основной лозунг носителей этих идей.

На фоне роста панисламской и пантурецкой пропаганды и беспорядков на мусульманских окраинах России власти приступили к разработке системы мер, с одной стороны, призванных ограничить панисламскую и пантурецкую пропаганду, с дру-

⁵⁷ И. Готвальд, *Опыт арабско-русского словаря на Коран, семь моаллакат и стихотворения Илмулькейса* (Казань, 1863); В. Гиргас, *Словарь к арабской хрестоматии и Корану* (Казань, 1881).

гой — обеспечить полноценное участие мусульманских подданных в жизни империи. Последнее было немислимо без уважения их культурных и религиозных традиций.

Неоднократно обновляются как процедура, так и текст судебной (первая редакция — 1831 г.)⁵⁸ и воинской (первые редакции — 1849—1862 гг.)⁵⁹ присяги для мусульман на Коране, устанавливается процедура присяги мусульманского духовенства⁶⁰. Текст воинской присяги переводится на арабский, персидский, турецкий, джагатайско-татарский и азербайджано-татарский языки⁶¹. К его составлению привлекаются как представители мусульманского духовенства, так и лучшие правительственные эксперты⁶² (рис. 13а, б). Дошедший до нас комментарий к тексту присяги, принадлежащий перу А. К. Казем-Бека, содержит детальный лингвистический и правовой анализ текста с привлечением Корана и *тафсиров*. Небольшой фрагмент этого текста может не только служить иллюстрацией особенностей подхода к составлению текста присяги, но и выявляет взгляды Казем-Бека на особенности Корана как законодательного документа. Казем-Бек пишет:

Мы заметим, сверх того, что в мусульманском богословии воля человека есть сила сокровенная, отвлеченная, вполне подверженная внешним впечатлениям и следовательно, не способная быть предметом торжественного обязательства, заключающего некоторую степень продолжительности действия. Клятву же нельзя обязать ни впечатлений, ни желаний человека, который сам есть источник воли. Коран именно так говорит: «Бог не обременяет души сверх сил ее» (2 : 286, перевод документа — Е. Р.).

Мусульманские учителя единогласно признают, что клятва может распространяться только на действие, а не на волю. Христианское учение о духовном перерождении, учение, по которому самые желания и сокровенные чувствования человека подлежат суду закона, совершенно

⁵⁸ См.: «О присяге для магометан, при допущении их к свидетельству в делах с христианами, или одних христиан. В приложении дан текст наставления для мусульман», *Полный Свод Законов Российской Империи за 1831 г.*, vi, статья 4974 (Санкт-Петербург, 1832); «О новой форме присяги по судебным делам для магометан. Формы присяги на татарском, турецком и персидском языках», *Полный Свод Законов Российской Империи за 1850 г.*, xxv, статья 24117 (Санкт-Петербург, 1851).

⁵⁹ См.: «О составлении и рассмотрении проектов новой формы военной присяги для магометан», *РГИА*, ф. 821, оп. 8, д. 1152 (1859—1861 гг.); «Об установлении порядка приведения к присяге магометан при условии отсутствия магометанского духовенства», *ibid.*, д. 1159 (1861—1867 гг.), л. 4—5.

⁶⁰ «О приводе к присяге некоторых магометанских духовных лиц в уездных полицейских управлениях», *Полный Свод Законов Российской Империи за 1870 г.* (Санкт-Петербург, 1872), xlv, статья 48497.

⁶¹ «Клятвенное обещание для мусульман, поступающих в военную службу», *Полный Свод Законов Российской Империи за 1862 г. Отделение II* (Санкт-Петербург, 1865). В дополнении к тому xxvii имеется статья 38514а, содержащая параллельные переводы на пяти восточных языках.

⁶² См.: *РГИА*, ф. 821, оп. 8, д. 1152 (1859—1861 гг.), л. 12—13 об.

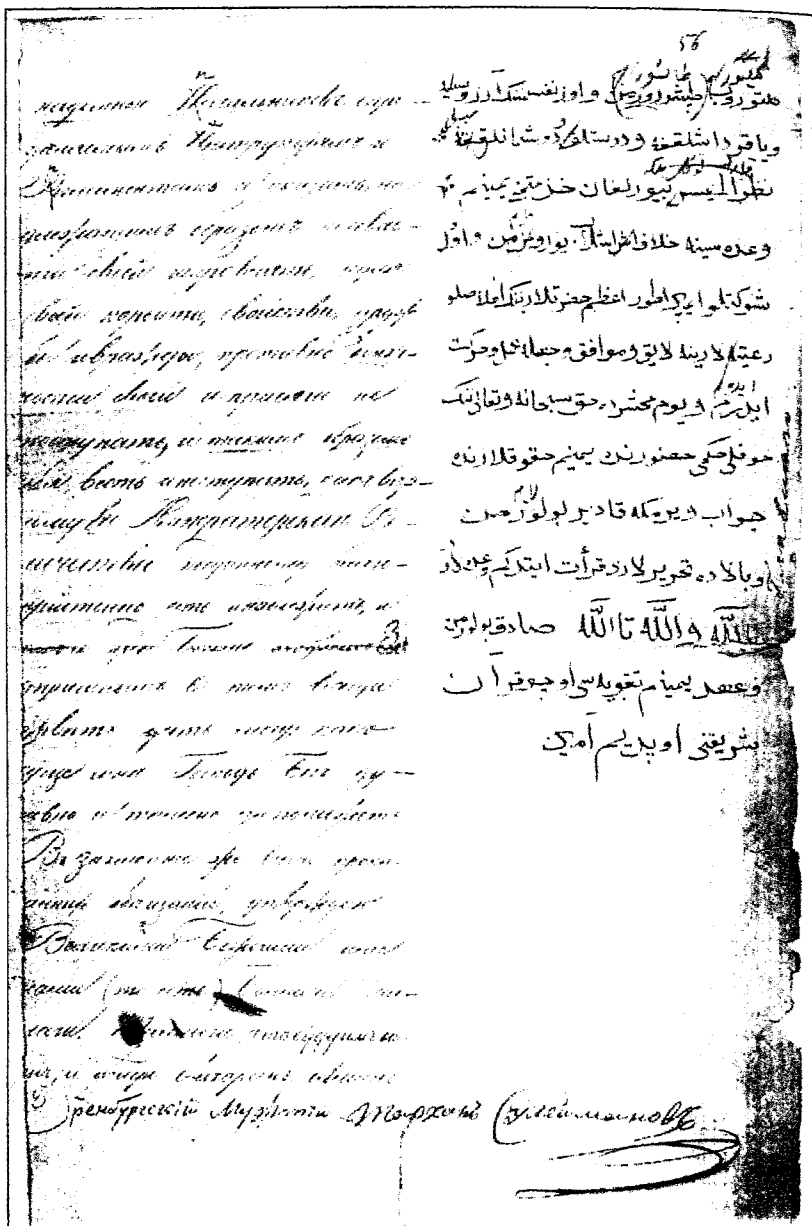

Рис. 13а. Фрагмент текста присяги, переведенного орнбургским мѹфтием Сулейменовым. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. ф. 821. оп. 8, д. 1152 л. 4

чуждо мусульманскому миру. Коран есть законодательство чисто гражданское, заключающее в себе руководство для действий, а не для чувствований человека, и потому у мусульман гражданские обязательства выражают собою только одни средства, которыми заранее связывают человека против всякого изменения желания или воли, считающихся непостоянными⁶³.

Самым тщательным образом оговаривается процедура присяги. В правилах от 1892 г., в частности, отмечалось, что «самый Коран, в знак благоговения, должен быть положен на пелену из чистой шелковой материи и поставлен на налой или столик, вышиною по крайней мере в аршин»⁶⁴.

Среди мусульманских народов России начиналось религиозно-национальное возрождение. В XVIII—первой трети XIX в. своеобразными «полюсами» этого движения, получившего наименование *ислāх* («исправление», «возрождение»), были *шайх* братства накшбандиййа, ханафитский ученый и поэт Абд ар-Рахīm б. Усмāн ал-Булгārй (1754—1835) и известный татарский богослов и правовед Абд ан-Насир б. Ибрахīm Абū-н-Наср ал-Булгārй ал-Курсāвй (1776/1777—1812). Оба были широко известны в Волго-Уральском регионе. Проповедь первого, выступавшего с жестких антихристианских традиционалистских позиций, была проникнута идеями обновления ислама через *тақлīд* великих *имām*ов ханафитской школы и с помощью обращения к аскетизму и суфийской этике. Второй, претендуя на *иджитхād* в правовых вопросах, выступал за очищение ислама от многовековых искажений путем обращения к главнейшим источникам — Корану и *сунне*⁶⁵. Ал-Курсāвй готовил комментированный перевод Корана на язык *турки* Волго-Уральского региона⁶⁶.

⁶³ «О составлении и рассмотрении проектов новой формы военной присяги для магометан», *РГИА*, ф. 821, оп. 8, д. 1152, л. 34—34 об.

⁶⁴ См.: «Правила о приведении лиц магометанского исповедания к присяге», приложение к статье 210, ч. 2, xvi (1892).

⁶⁵ См.: Михаэль Кемпер, «Ал-Булгарин», *Ислам на территории бывшей Российской империи*, с. 18—19; *idem*, «Ал-Курсави», *ibid.*, с. 52—53.

⁶⁶ См. рукопись 2768 Т библиотеки Казанского университета (183 листа, переписан не позднее 1814 г.; см. также 2181 Т, 1455 Т). Там же хранится и другая рукопись «Тафсир ал-Кур'āн» (шифр. 2085 Т, 220 листов, переписан в 1857 г.; см. также 2089 Т). *Хафтийак тафсйри* Курсāвй многократно издавался (см., например, Казань, 1861, 1905). *Тафсйр* Курсāвй — не первое сочинение такого рода, возникшее в татарской среде. Сообщается, что в 1653 г. некий Йўнус Муҳаммад б. Джāнбай переписал *тафсйр*, язык которого автор публикации называет татарским (см.: М. Н. Ногманов, XVII—XVIII *ййзләрдәге русча-татарча кулъязма сузлекләр* (Казан, 1969), 10 б). Собрания ряда библиотек содержат рукописные *тафсйры*, созданные в татарской среде на языке *турки* (см.: Дж. Г. Зайнуллин, *Во имя Аллаха: Татарская богословская литература XVIII—начала XX веков и ее языковые особенности* (Казань, 1999), с. 29—35). Среди них есть и сборный *тафсйр* XVI—XIX вв. (Государственный музей республики Татарстан, шифр JI 2191. Под этим шифром хра-

Эту работу продолжил его ученик Ну'ман б. 'Амйр б. 'Усм'ан ал-Курс'авй (позже известный как ас-Сам'анй). Мулла Ну'ман родился в дер. Саман Стерлитамакского уезда. Образование получил в основанном Курс'авй *мадраса* дер. Курса Казанской губ., слушая лекции самого основателя. После окончания курса и смерти учителя (по пути в *хаджж*) остался преподавать в родном *мадраса*, редактировал начатый учителем *тафсйр* и начал писать свое толкование к Корану, которое не успел довести до конца⁶⁷. Умер мулла Ну'ман, как и его учитель, по дороге в *хаджж* в турецком городке Ускудар⁶⁸.

Очень разнородное течение за возрождение ислама вылилось в 80-е гг. XIX в. в движение *усул-и джаидй*. Либералы-обновленцы (джаиды), появившиеся в те годы в Казани и Крыму, а десятилетием позднее — в Средней Азии, начинали с требований обновления старой системы мусульманского образования, во многом ограничивавшейся заучиванием наизусть Корана и ряда других религиозных текстов. Они старались совместить ислам с современной наукой и просвещением на русском языке и подошли к необходимости реформы ислама в ответ на вызов европейской цивилизации. Их идеи реформы мусульманской школы быстро нашли себе сторонников не только в России, но и в Турции, Персии, Индии.

В работах крупнейших исламских мыслителей того времени, таких как татарский просветитель, богослов и общественно-политический деятель Ших'аб ад-Дйн ал-Мардж'анй (1818—1899), богослов и педагог, основатель (1882) крупнейшей в Поволжье новометодной школы⁶⁹ Му'хаммадийа 'Алим-дж'ан б. Му'хаммад Х'ан ал-Б'арудй (Галеев) (1857—1921), знаменитый крымско-татарский публицист, издатель и общественный деятель, «дедушка тюркской нации» Исма'йл Бей Гаспринский (Гаспралы) (1851—1914) (рис. 14), богословы и публицисты Мус'а Дж'арулл'а (Бйгй) Бигиев (1875—1949)⁷⁰ (рис. 15) и 'Ат'а'улл'а Баязитов

нитея и другой сборный *тафсйр*, часть которого — комментарий Бургана Шарафа, созданный в 1920—1921 гг. Подробнее см.: Зайнуллин, Во имя Аллаха, с. 33—35.

⁶⁷ См. рукопись 34 Т библиотеки Казанского университета (228 листов, переписан в 1831—1832 гг.; см. также 2089 Т). Опубликован в Оренбурге в 1907 г., в Казани — в 1911 г. Переиздан в Казани в 1991 г. в переложении на современный татарский язык под заглавием «Кор'ан тафсири [Ногмани] татар теленда».

⁶⁸ Зайнуллин, Во имя Аллаха, с. 41—42.

⁶⁹ Из новометодных учебных заведений вышла почти вся мусульманская интеллигенция. Впоследствии значительная часть этих людей была захвачена коммунистическими идеями. Именно они составили опору советской власти в мусульманских областях страны и были почти поголовно уничтожены в период сталинских чисток. Другая, не принявшая революцию часть интеллигенции либо также была истреблена, либо эмигрировала (см. рис. 14).

⁷⁰ Мус'а Дж'аралл'ах Бйгй (Бигиев) — один из наиболее образованных, талантливых и смелых представителей мусульманского возрождения в России. Родился в

(1846—1911)⁷¹ (рис. 16) и других мусульманских авторов, писавших как на своих национальных языках, так и по-арабски, и

1875 г. в Ростове-на-Дону в семье муллы. После обучения в мусульманских учебных заведениях Казани, Бухары, Медины, Каира и Стамбула в 1904 г. поступает в Петербургский университет. В местной мусульманской печати появляются его первые статьи. Позднее Бигиев активно сотрудничает с журналом «Вақт», который публикует его лекции по истории религии, прочитанные в 1909 г. в оренбургском медресе Хусайнийя. Вскоре, однако, взгляды Бигиева были признаны несовместимыми с постом *мударриса* в этом учебном заведении, и он был вынужден покинуть Оренбург. Оказавшись вновь в столице империи, он получает здесь пост *имāма-хатїба* Санкт-Петербургской соборной мечети. Бигиев был секретарем III Мусульманского конгресса в Нижнем Новгороде (1906), автором политической программы партии «Иттифāк ал-муслимин», основанной этим съездом. В 1912 г. журнал «Мир ислама» (II/4, с. 327—342) публикует русский перевод статьи Бигиева об исламе в России. Он приветствовал падение монархии и был одним из организаторов Всероссийского мусульманского съезда в Москве (1917). После октября 1917 г. Бигиев, находясь в Петрограде, какое-то время сотрудничает с новым режимом, но после публикации в Берлине «Азбуки ислама» попадает в ЧК. С большим трудом его освобождения смог добиться министр иностранных дел Турции Исмет Иненю. В 1930 г. Бигиеву удалось выехать в Финляндию, откуда он отправился в путешествие по мусульманскому миру. Умер Бигиев в 1949 г. в Каире.

С наибольшей полнотой политические взгляды Бигиева нашли свое отражение в работе «Ислахāt Эсаслари» («Основы реформ») (Петроград, 1917), которая посвящена истории мусульманского реформистского движения в России. В труде «Шарї'āt Эсаслари» («Основы шариата») (Петроград, 1916) он выступает как самый радикальный реформатор-обновленец. Работа «Ислам феилесуфлари — Мухаммад Абдаллах ад-Мишрї, Джамāl ад-Дїн ал-Афганї» (Казань, б. г.) посвящена религиозным и политическим взглядам двух мусульманских реформаторов, чьи позиции в наибольшей степени были близки автору. Являясь автором двух специальных работ на арабском языке, посвященных Корану («Та'рих ал-Қур'ан ва маса'иф») (Санкт-Петербург, 1905) и «Тафсир сураг ал-Фатїха» (Петроград, 1915)), он активно участвовал в дискуссиях об ошибках при публикации Корана, обличая невежественных мулл-кадимистов.

Среди теологических работ Бигиева можно выделить «Қавā'id-и Фикхийе» («Основы фикха») (Казань, 1910) и «Раҳмет-и Илахийе бурхانشари» («Доказательства милосердия Бога») (Оренбург, 1911), которые вызвали наибольшую критику оппонентов автора из лагеря кадимистов. В сочинении «Буйук мевзу'ларда уфақ фикрлер» («Скромные мысли по великой теме») Бигиев предстал критический пересмотр теологии Зийād ад-Дїна Кимālї и выступил в защиту суфизма. Много писал Бигиев и о литературе. Здесь можно привести также его работы, как «Эдебий-йāt-и 'арабї» («Арабская литература») (Казань, б. г.), комментированный татарский перевод «Лузумиййāt» Абū-л-'Алі' ал-Ма'аррї и перевод «Дивāна» Хāфиза.

Краткая биография Бигиева написана его соратником-джадидом Абд ал-Бārї Абдаллахом Баттāl-Таймасом (1882—1969) (см.: А. Vassal-Taumas, *Kazanlı Türk Meshurlarından II—Musa Carullahı Bigi, Kisiliği fikir, hayatı ve eserleri* (Istanbul, 1959)).

⁷¹ Известный мусульманский публицист Атā'улла Баязитов родился в 1846 г. в дер. Темгеево Рязанской обл. в семье муллы. Арабскому языку и основам веры его учил отец. Получив в Казани лучшее по тем временам в России мусульманское образование, он в 1870 г. был приглашен Касимовской общиной Санкт-Петербурга на должность приходского муллы. Годом позднее Баязитов подтвердил свое назначение, успешно сдав в Оренбурге экзамен на должность *имāма, хатїба и мударриса*. В 1880 г. он получает звание *адўна*. Одновременно работает переводчиком в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, преподает теологию и языки в ряде престижных учебных заведений столицы империи. Среди петербургских друзей Баязитова много русских писателей, журналистов, философов. В их числе был и Владимир Соловьев. Начиная с 1905 г. Баязитов публикует в Петер-

Рис. 14. Исмаїл Бей Гаспринский (Гаспарлы) (1851—1914)

Рис. 15. Мүсә Джәрүллә (Бігй) Бигнев (1875—1949)

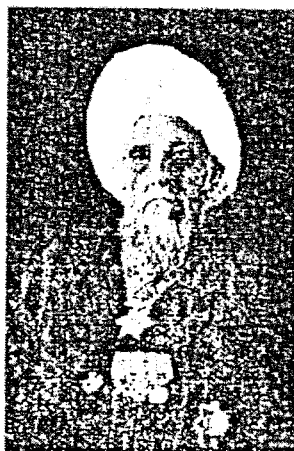

Рис. 16. 'Атә'уллә Баязитов (1846—1911)

бурге первую татарскую газету в России — «Нур», которая просуществовала до 1911 г. В 1906 г. он организует комитет по сбору средств на строительство в столице новой соборной мечети. Баязитов придерживался умеренно-монархических взглядов. Его работы помогали русской читающей публике преодолеть односторонний взгляд на ислам. Сочинение Баязитова о возникновении ислама так быстро разошлось среди мусульман Европейской России и Сибири, что очень скоро вышло его второе издание. В 1897 г. по просьбе литовских татар он составляет молитвенник на кириллице. В ответ на известную речь Эрнеста Ренана Баязитов издает полемическую брошюру на русском языке, которая вскоре переводится на турецкий и французский. За свою многообразную деятельность он был удостоен многочисленных российских и зарубежных правительственных наград. Умер Баязитов 21 апреля 1911 г. в Санкт-Петербурге.

Рис. 17. Гаспринский задавлен консервативным *мулло* и директором русской школы. Карикатура из журнала «Молла Насреддин» (1908. № 17)

по-русски, можно найти идеи возрождения ислама, близкие тем, что волновали Саййид Ахмад-хана (1817—1898), Джамал ад-Дйна ал-Афганй (1839—1909) (который посетил Санкт-Петербург и встречался здесь с деятелями русского мусульманского возрождения), Мухаммада ‘Абдо (1849—1905), Рашйда Риду (1865—1935) (см., например, «Тафсир ал-Манар», принадлежащий перу двух последних).

В развернувшейся с конца XIX в. в среде русскоподданных мусульман ожесточенной идейной полемике между прогрессистами-обновленцами и традиционалистами (в русской терминологии джадидами и кадимистами — от *ушӯл джадид* и *ушӯл қадим*) (рис. 17) обе стороны активно использовали Коран для обоснования своих позиций. Так, ‘Абд ар-Раўф Раҳим-оглы (1886—1938), один из крупнейших теоретиков бухарского джадидизма, известный под псевдонимом Фитрат, говоря в одном из своих сочинений о необходимости организации современного медицинского обслуживания населения и ссылаясь при этом на Коран,

отмечал, что русские и европейцы ближе подошли здесь к выполнению требований ислама⁷².

Исламские публицисты обращались в своих работах и к русскоязычному читателю, излагая свой взгляд на ислам и пути развития мусульманских народов в составе России⁷³. Своеобразным ответом на идеи мусульманского возрождения стала книга «Коран и прогресс. По поводу умственного пробуждения современных российских мусульман», принадлежащая перу публициста и видного деятеля русской колониальной администрации в сфере просвещения Н. П. Остроумова, открыто полемизировавшего с Баязитовым, Гаспринским и другими мусульманскими публицистами новой волны:

Что же касается усиленных попыток современных мусульманских публицистов к защите ислама вообще и учения Корана в частности, то нам эти попытки кажутся бесплодными, но не беспечными, так как мы, русские, в большинстве случаев даже по переводам с Кораном не знакомы и легко верим на слово таким авторам, мнения которых приведены в нашей книге, имеющей своей задачей не порицать учение Корана, а высказать о нем действительную текстуальную правду. Пусть не думают эти авторы, что мы имеем предвзятую цель лично против них: мы имеем дело с печатным их словом, предназначенным ими самими для русских читателей — для рассеяния заблуждений русской публики относительно Корана⁷⁴.

В своей книге автор стремился проводить официальную точку зрения, подчеркивая передовой и цивилизаторский характер миссии России на Востоке. Однако в ряде случаев в книге отчетливо прослеживаются взгляды, воспитанные годами учебы на миссионерском противомусульманском отделении Казанской духовной академии⁷⁵.

Численное соотношение в этой борьбе довольно быстро менялось в пользу джаидов, однако задачи, стоявшие перед ними,

⁷² Фитрат. Рассказы индийского путешественника, пер. А. Н. Кондрагев (Самарканд, 1913), с. 52—53. Новейшую работу о Фитрате см.: Е. А. Allworth, *The Pre-occupations of Abdalrauf Fitrat, Bukharan Nonconformist: an Analysis and List of his Writings* (Berlin, 2000).

⁷³ См., например: А. Баязитов, *Отношение ислама к науке и инверцизм* (Санкт-Петербург, 1887); *idem*, *Ислам и прогресс* (Санкт-Петербург, 1899); *idem*, *Возражение на речь Ренана* (Санкт-Петербург, 1883); Имамид-бей Гаспринский, *Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина* (Симферополь, 1881; Ташкент, 1883); *idem*, *Русско-восточное соглашение. Мысли, заметки и пожелания Н. Гаспринского* (Бахчисарай, 1896). Эту же цель преследовала русскоязычная часть газеты Гаспринского «Переводчик-Тарджуман».

⁷⁴ *Коран и прогресс: По поводу умственного пробуждения современных российских мусульман* (Ташкент, 1901), с. 246.

⁷⁵ См., например, рецензию В. В. Бартольда на книгу Н. П. Остроумова «Исламоведение. I. Аравия, колыбель ислама» (Ташкент, 1910), опубликованную в «Записках Восточного отделения Императорского русского археологического общества» (XX (1912), с. 073—082); переиздано: В. В. Бартольд, *Сочинения* (Москва, 1961), vi, с. 333—341.

были не из легких. Препятствовавшие им традиционалисты контролировали, по существу, все 14300 (по другим данным — 22000) мечетей, существовавших только на территории собственно России до 1917 г. Этому джадиды могли противопоставить более пяти тысяч новометодных школ, возникших к 1916 г.

И джадиды, и их оппоненты-консерваторы в целом были лояльными гражданами Российского государства. Решительно против существовавшего порядка выступала лишь одна группа — «Вайсов божий полк», основанная Бахā ад-Дйном Вайсовым (1804—1893). Последний, находясь под влиянием идей ваххабизма, требовал полного подчинения букве Корана и отказа от сношений с государственными властями.

После революции 1905 г. в России наступил период реакции. П. А. Столыпин, ставший главой кабинета министров, проявил себя националистом и жестким русификатором. Власти закрывали национальные школы и газеты, преследовали даже умеренных националистов⁷⁶. И хотя джадиды неоднократно демонстрировали лояльность правительству, власти все же усмотрели в их деятельности серьезную опасность. Проведенное в 1910 г. «Особое совещание», созванное Столыпиным, приняло решение запретить преподавание в мусульманских религиозных школах небогословских дисциплин. Правительство поддержало консерваторов против джадидов, обвиненных в панисламизме. Ответом на такую политику могло быть только усиление национализма на окраинах империи.

Незадолго до того, в первую очередь стараниями джадидов, большой размах получила в России мусульманская печать. С 1787 по 1917 г. по меньшей мере двадцать частных типографий в России, из которых пять были расположены в Санкт-Петербурге, десять — в Казани и по одной в Москве, Бахчисарае, Ташкенте, Самарканде, Тамирхан Шуре (в Дагестане), выпустили в общей сложности до ста восьмидесяти изданий Корана (сюда входят как наборные тексты, так и выполненные литографским способом), более ста изданий отдельных сӯр (*сувār мин ал-Қур'āн*), до двухсот изданий подборок отдельных сӯр — *хафт-тййак*⁷⁷. Одним из достижений издателей была публикация в издании 1857 г. наряду с основным текстом в редакции Ҳафса коранических вариантов (*ал-қирā'āt*), воспроизводящих традицию «семи чтений». Это была уникальная попытка приблизиться к уровню критического издания, повторенная впоследствии рядом

⁷⁶ Справедливости ради следует отметить, что в трудную минуту Столыпин поддержал комитет по строительству соборной мечети в Санкт-Петербурге, подтвердив, несмотря на влиятельную оппозицию, решение о ее сооружении в непосредственной близости от Собора Петра и Павла, усыпальницы дома Романовых (см.: Д. А. Амминов. *Татары Петербурга* (Санкт-Петербург, 1994), с. 22—23).

⁷⁷ Подробнее см.: Анās Халїлдұф, *op. cit.*

Рис. 18. Дуғалыҡ (фотоархив автора)

восточных перепечаток. Широко издавались также молитвенники, своеобразные обереги — *дуғалыҡ*, — основанные на Коране и магических заклинаниях) (рис. 18).

В подготовке (сохранившиеся копии дают термины *би-назр*, *би-назъра*, *би-муқабала*, *би-ма'рифат*) ряда изданий Корана принимали участие такие выдающиеся джадиды, как упомянутые выше ал-Марджанӣ (например, казанские издания 1860, 1868, 1871, 1876 и 1887 гг.), ал-Барӯдӣ (Галеев) (например, казанское издание 1902 г. — совместно с `Абд ал-Қаййўмом б. `Абд ал-Бадӣ'), Исма'йл Бей Гаспринский (бахчисарайские издания 1312 и 1317 г. х.) и ряд других.

В этой работе активное участие принимал богослов и поэт Мухаммад Садиқ ал-Йманқулӣ (1870—1932) (например, казанские издания 1861, 1862, 1865, 1867 гг.). Его перу принадлежит двухтомный татарский перевод-*тафси́р* Корана, основанный на персидском «Тафси́р ал-фавā'ид» Хусайна Ва'иза (ум. 1505) и

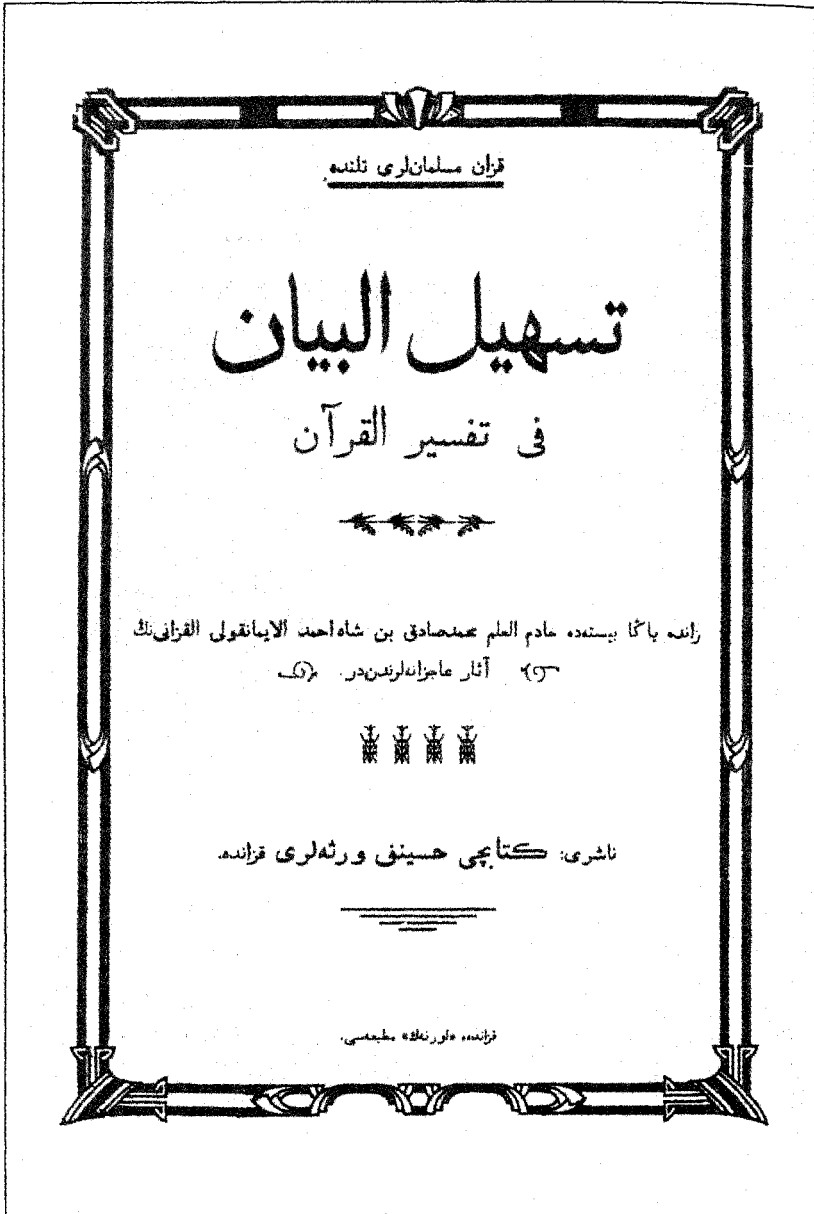

Рис. 19а. Титульный лист труда Мухаммада Садиқа ал-Йманкулй «Тасхйл ал-байан фй тафсейр ал-Қур'ан» (Казань. 1910)

Рис. 196. Начальная страница труда Мухаммада Садиқа ал-Йиманкули «Тасхил ал-байан фи тафсир ал-Қур’ан» (Казань, 1910)

опубликованный в Казани в 1910 г. под заглавием «Тасхйл ал-байъан фй тафсйр ал-Қур'ан»⁷⁸ (рис. 19а, б). К тому времени это был уже не первый татарский *тафсйр*. Большой популярностью пользовался упомянутый выше «Ат-Тафсйр ан-Ну'манйй» (Оренбург, 1907), изданный выдающимся татаро-башкирским религиозным и общественным деятелем, историком, богословом, журналистом и писателем Ризазтдином Фахретдиновым (Риза Кази. Рида ад-Дйн б. Фахр ад-Дйн б. Сайф ад-Дйн) (1859—1936), в 1923 г. избранным *муфтием* Центрального духовного управления мусульман Внутренней России и Сибири, что было высшим постом в мусульманской духовной иерархии в России⁷⁹.

Автором другого популярного перевода *тафсйра*, озаглавленного «Ал-Итқан фй тарджамати-л-Қур'ан» (Казань, 1907) и основанного на знаменитом труде ас-Суйути, был Шайх ал-Ислам б. Асад Аллах ал-Хамидй (1869—1911)⁸⁰. Появление татарских *тафсйров* способствовало более широкому ознакомлению татар-мусульман со Священным текстом.

Богатейшие фонды Азиатского музея⁸¹, куда долгое время поступал обязательный экземпляр мусульманской книжной про-

⁷⁸ Не так давно это издание было воспроизведено в Катаре. Мухаммад Садиқ ал-Ймаңкулй родился в Казани в семье *муллы*, получил образование в Бухаре и Самарканде, был *имамом* Шестой казанской мечети. При жизни автора в Казани были опубликованы также его словарь «Тарджамат-йн русй, фърсй ва туркй» (Казань, 1909, 1913, 1917), небольшое (в 65 страниц) сочинение «Салатйин-и Ислам» (1909), и стихотворный сборник «Қаса'йд-и латйфе». Ал-Ймаңкулй был репрессирован в ходе сталинских чисток и погиб в тюрьме. Информацию о Мухаммаде Садиқ ал-Ймаңкулй любезно предоставил мне А. Б. Халидов.

⁷⁹ Значительная, а возможно и наиболее интересная часть архива Фахретдинова, а также книги его собрания хранятся соответственно в библиотеке и научном архиве СПбФ ИВ РАН (ф. 131). За год до смерти он в условиях начала сталинских репрессий выслал книги и документы в Ленинград «для лучшей сохранности». Другие части архива хранятся в Уфе и Казани. О Ризе Фахретдинове см.: *Творчество Ризы Фахретдинова: исследования, материалы* (Уфа, 1996); Г. Б. Хусаннов. *Ризазтдин бин Фахретдин: историко-биографическая книга* (Уфа, 1997) (на башкирском языке).

⁸⁰ Об ал-Хамидй известно немного: родился в Симбирской губернии, учился в казанском *медресе* «Мухаммадиййа», одном из главных оплотов джадидов, преподавал в уфимском *мадраса* «Усманиййа», которое находилось в ряду наиболее крупных и прогрессивных мусульманских учебных заведений России. В 1908 г. был избран *имамом* и *мударрисом* в аул Йақшй-бай (Уфимская губ.). Информацию об ал-Хамидй любезно предоставила мне Нурия Гараева (Казань). *Тафсйр* ал-Хамиди переиздан в Токио в 1950 г.

Помимо «Итқана» в фондах библиотеки СПбФ ИВ РАН хранятся следующие труды Хамидй:

حميدى شيخ الاسلام، الاخلاق الحسنة (قازان، ١٩٠٨)؛ *idem*: الاخلاق القبيحة والاخلاق الحسنة (قازان، ١٩٠٨)؛ *idem*: كنوز الاحاديث (قازان، ١٩٠٩).

⁸¹ «Казанский фонд» библиотеки СПбФ ИВ РАН содержит около пяти тысяч единиц хранения. Это арабграфичные издания и литографии 1800—1931 гг., главным образом на старотатарском языке, служившем литературным языком не толь-

дукции из всех уголков империи и попали многие коллекции частных лиц и учреждений, позволяют представить жанровый состав сочинений, связанных с Кораном. Это в первую очередь, как и везде в мире ислама, где арабский не является родным, сочинения по *таджвиду*:⁸² (обнаружено 28 работ, в том числе одна, принадлежащая перу женщины — Сүфьи Султановой)⁸³, переводные и оригинальные *тафсиры* ко всему тексту Корана⁸⁴, к

ко для татар, но и для башкир, отчасти казахов и киргизов. Среди мест издания — Астрахань, Бугульма, Казань, Малмыж, Москва, Оренбург, Самара, Санкт-Петербург, Симбирск, Стерлитамак, Троицк, Уфа и ряд других городов. По составу фонд делится на две части: 1. 1800—ок. 1860 гг., где книги легко систематизируются согласно иерархии традиционной мусульманской учености; 2. Книги, вышедшие в свет после 1860 г., которым соответствует современная предметная классификация. См.: Я. С. Янбаева, «Татарская часть „Казанского фонда“ книг бывшего Азиатского музея», *Петербургское востоковедение*, VI (1994), с. 328—335.

⁸² Что полностью соответствует реестру наук, предложенному А. Баязитовым: 1) Правильное чтение Корана, 2) Толкование Корана, 3) Собрание изречений Мухаммада и преданий, 4) Языковедение, энциклопедии, философия, 5) Алгебра, 6) Геометрия, 7) Астрономия, 8) География, 9) Естественные науки и медицина, 10) Музыка и музыкальная гамма. См.: Баязитов, *Ислам и прогресс*, с. 31—35.

كتاب التجويد (قازان، ۱۸۷۶) : علی بن سلطان القاری، تقریب الادهان من⁸³ تجويد القرآن (قازان، ۱۸۹۲) : خ. فرید، سؤال وجوابی تجوید (قازان، ۱۸۹۳) : شا کر جان ظاهری، مختصر قواعد التجويد (قازان، ۱۸۹۵) : صفا جایی محی السنه بن حیب الله، حلیة التلاوة (جزء اول، قازان، ۱۸۹۷) : خیر الله قارغالی، تعلیم التجويد (قازان، ۱۸۹۸) : بارودی، فتح التجويد (الاصدار الثالث، قازان، ۱۹۰۳) : خلوصی، کجک تجوید، ابتدائیہ مکتبہ مخصوص (قازان، ۱۹۰۵) : عطار بن حسن الایمانی، قواعد التجويد (قازان، ۱۹۰۶) : صوفیه بنت سلطانی، تجوید ترکی (قازان، ۱۹۰۷) : زفر قاسمی، منتخب تجوید (أوف، ۱۹۰۷) : شهید، فن التجويد (قازان، ۱۹۰۷) : کتاب تجوید (قازان، ۱۹۰۸) : ز کریا الاحمدی البو کای، تجوید حکمدیری ترا کی تلندہ (قازان، ۱۹۰۸) : ثویان، منتخب تجوید (قازان، ۱۹۰۸) : کشف الدین بن شاعمردان السلو کی، علم التجويد بترجمة الجديد (أورینبورغ، ۱۹۰۸) : اسکندر ابن جلال الدین، ظملي تجويد (قازان، ۱۹۰۹) : محمد هبة الله، تحف الاولاد، منظوم تجويدی (أورینبورغ، ۱۹۰۹) : عوتی شهید، فن التجويد (الاصدار الرابع، قازان، ۱۹۰۹) : ضیاء مفصل فن التجويد (قازان، ۱۹۰۹) : نعیم حفظی، بدء التجويد (أستراخان، ۱۹۱۰) : ترکی تجويد (أستراخان، ۱۹۱۱) : قوام قاری ذو الفقاری، تجويد القرآن (قازان، ۱۹۱۱) : عبد القادر الکاشعری، تجويد ترکی (قازان، ۱۹۱۲) : ضیاء الدین بیکمحمدف، مفصل تجويد (قازان، ۱۹۱۲) : علی حسن، تحوید القرآن (أورینبورغ، ۱۹۱۲) : خ. زینی، متن التجويد (الاصدار الثاني، استیرلیتاماک، ۱۹۱۲) : اسماعیل علوی، تجويد / مترجم: منور قاری (الاصدار الرابع، أورینبورغ، ۱۹۱۴) .

كتاب المسمى بتفسير التبيان (جلد ۴، قازان، ۱۸۶۹) : تفسير فوائد (المجلد⁸⁴ الثاني، قازان، ۱۸۸۰، المجلد الثالث، دون مكان وزمان النشر، المجلد الرابع، دون مكان وزمان النشر) : كلام شريف تفسيري، تفسير فوائدنك (۲ نجی جلدی، الجزء الاول والثاني، قازان، ۱۸۸۹) : الجزء الثالث (الاصدار الثالث) دون مكان النشر،

*хашфтийак*⁸⁵, к отдельным *сўрам*⁸⁶, сочинения по *ал-қирā`ūt*⁸⁷, книги общего порядка, так или иначе связанные с Кораном⁸⁸.

В своих работах о Коране джадиды пытались опираться не только на традиционные сочинения мусульманских авторитетов, но и на достижения современной им русской и западной коранистики. Об этом свидетельствует как публикация упомянутого выше татарского перевода статьи Шебунина о «Коране Османа», так и обнаруженная в архиве Ризы Фахретдинова машинописная копия русского перевода введения к публикации текста Корана, осуществленного Флюгелем⁸⁹. В работе «Қур`ān ва ғиба`ат» (Казань, 1900) Р. Фахретдинов попытался сформулировать проблемы и задачи, встававшие перед мусульманской общиной в связи с широким распространением книгопечатания. Анализ сочинения показывает, что его автор привлек большое количество современных ему европейских работ. Любопытно, что в качестве параллели печатным Коранам Фахретдинов использует публикации Торы на древнееврейском и караимском языках.

В сознании ряда ведущих представителей татарской интеллигенции вызревала идея необходимости создания нового перевода Корана на татарский язык, в основу которого легли бы принципы, в корне отличные от тех, что использовались при подготов-

1900); تفسير نعمانى تكملة س/ مترجم: رضاء الدين [فخر الدينوف] (أورينبورغ، 1907); الاتقان فى ترجمة القرآن/ مترجم: الحميدى. (قازان، 1907); ايمانقولى القرانى، تسهيل البيان فى تفسير القرآن (قازان، 1910).

شرف ماب هفتيك تفسيري (قازان، 1861); تفسير هفتيك من تفسير التبيان⁸⁵ (قازان، 1861); مولانا محمد جمال الدين. تفسير هفتيك (قازان، 1889); كتاب شرف ماب هفتيك تفسيري تر كى تلنده (قازان، 1905); تاج الدين افندى، هفتيك تفسيري (قازان، 1911).

تفسير سورة الكهف (قازان، 1880); موسى بيغييف، تفسير الفاتحة (بترسغراد،⁸⁶ 1915); ياسين تفسيري (قازان، 1907); تفسير سورة الكهف (قازان، 1880).

احمد هادى مقصودى، قرآت قرآن (قازان، 1904); علم قرائتدن، مقدمة لابن⁸⁷ الجزرى/ مترجم: عبيد الدين عطاء الله (قازان، 1904); دوماوى، قرآت قرآن (جزء 2، نچى الاصدار الثانى، قازان، 1915).

قرآن تهليل لارى ودعاء عجائب الاستغفار وصلوات شريف باشقه شريف⁸⁸ دعالار بياننده (قازان، 1880); رضاء الدين بن فخر الدين [فخر الدينوف]، قرآن وطباع (قازان، 1900); خواص القرآن (قازان، 1903); شا كرجان حميدى، تعليمات قرآنية (قازان، 1908); موسى بينحيف، تصحيح رسم خط قرآن، (قازان، 1909); خم القرآن دعاس/ مترجم: شا كرجان حميدى (قازان، 1910); سرور الدين بن مفتاح الدين، قرآن شريف ولغت عربيّة (أورينبورغ، 1911); ختم القرآن هم ختم خواجه / مترجم: شا كرجان حميدى (الإصدار الثالث، قازان 1916).

⁸⁹ Архив СПб ФИВ РАН, ф. 131, оп. 1, д. 57, л. 65—70.

ке прежних переводов-*тафсиров*. Именно такую цель поставил перед собой Мусā Бигиев. Он полагал это важнейшей культурно-политической задачей и подчеркивал, что в условиях постоянных побед Запада и отступления ислама по всем фронтам совершенно необходимо перевести Коран на родные языки мусульман. Залогом успеха он мыслил обращение к опыту первых веков ислама, когда мусульманские ученые были свободны от мертвящей традиции. По его мнению, дух свободы мысли, открытой состязательности и взаимной критики, существовавший тогда, способствовал формированию наиболее точного и беспристрастного толкования Священной книги. Этот, безусловно, самый интересный и далеко идущий проект, связанный с Кораном и возникший в среде российских мусульман, к несчастью, стал жертвой противостояния джадидов и консерваторов.

Готовясь к переводу, Бигиев тщательно изучил множество *тафсиров*, обращался к тексту «Корана `Усмāна», который хранился в Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге, сам написал несколько работ по предмету. Особенно следует отметить *тафсир* на сӯру «Ал-Фāтиха»<sup>90</sup>, работу, посвященную изучению 2-ой и 3-й сӯр Корана<sup>91</sup>, брошюру «Тасҳйх Расм Хатт Қур`ан» (1909), посвященную проблеме типографских ошибок в казанских изданиях Корана. После ее опубликования в Казани была создана специальная комиссия из десяти человек, работавшая с марта по июнь 1909 г. Она обнаружила ошибки не только в казанских, но и в стамбульских, каирских и индийских изданиях (см. ниже).

Бигиев называет следующие принципы, которым необходимо следовать при переводе Корана: привлечение всех основных *тафсиров* Корана; использование только арабского текста; приоритет правил арабского синтаксиса при толковании «смутных мест»; изучение и использование при переводе различных традиций рецитации; сохранение всех допустимых смыслов предложений; отказ от изменения структуры текста и замены слов; полный отказ от использования при переводе традиций *кайāма* и философии (как древней, так и новой); отказ от попыток модификации текста «в угоду преданиям» и от субъективного толкования; отказ от попыток толкования и разъяснения *āйāтов*, поскольку в этом случае субъективный подход неизбежен: убеж-

⁹⁰ Бигиев публиковал свои работы по Корану и в эмиграции. См., например: *Ўарф ал-Қур`ан ал-карим* (Бхонал, 1945). Сообщается, что полный *тафсир* Бигиева был опубликован автором много позже. Если это так, то изучение данной работы следует признать одной из приоритетных задач историков российского ислама. О работах Бигиева, вышедших за границу, см.: А. Хайрутдинов, *Последний татарский богослов (жизнь и наследие Мусы Джаруллаха Бигиева)* (Казань, 1999), с. 132—137.

⁹¹ М. Бигиев, *Низāмāt аз-захра* (Казань, 1812).

денность в том, что перевод Корана возможен, поскольку его смыслы, как и структура, непоколебимы.

Перевод Корана на татарско-турецкий язык был готов в 1911 г. В январе 1912 г. Бигиев договаривается с руководством казанского издательства «Эмид» («Амид») об издании перевода. Предполагалось, что Бигиев сдаст рукопись перевода в начале апреля того же года, и он будет издан тиражом 5 тысяч экземпляров. Информация о готовящемся издании стала достоянием прессы, в которой началась острая полемика. Так, авторы, представлявшие консервативное крыло российского ислама, были единодушны в том, что перевод недопустим, обвиняли Бигиева в безбожии, вероотступничестве и даже сумасшествии. В течение 1912 г. журнал «Дин вэ Магыйшэт» («Дин ва Ма'йшät») напечатал целый ряд подобных статей. В казанских периодических изданиях было опубликовано и множество статей, поддерживавших идею перевода.

Опасаясь неблагоприятного для себя развития событий, группа консервативных казанских *имамов* обращается с жалобой в уфимское Духовное собрание. Вскоре этой инстанцией было принято решение наложить запрет на печатание перевода Корана, подготовленного Бигиевым. Последний отреагировал на запрет специальной статьей, опубликованной в газете «Вақыт» («Вақт»). Он обвинял Духовное собрание в том, что с его попустительства книжный рынок российских мусульман заполнен бесполезной, а то и вредной литературой, и подтверждал свое намерение издать переведенный им Коран. Полемика по данному вопросу в татарской прессе продолжалась вплоть до 1917 г.⁹²

Еще один перевод Корана на татарский язык принадлежал перу прекрасного мусульманского публициста и педагога Зийä ад-Дйна Кемали. Он родился в Уфе в семье *муллы*, получил образование в учебных заведениях Медины и Каира, где встречался с египетскими реформаторами и стал их ревностным последователем. По возвращении домой Кемали получает пост *му'аллима* в *мадраса* «Османие» («'Усманиййа») в Уфе, в 1906 г. основывает там же *мадраса* «Галие» («'Алиййа»), ставшее вскоре одним из важнейших интеллектуальных центров российского ислама. Кемали активно сотрудничает в журнале «'Алам ал-ислām», выпускает работы по национальной литературе и мусуль-

⁹² О дальнейшей судьбе перевода известно немного. Уже будучи в эмиграции, Бигиев попытался опубликовать текст, названный им «турецким переводом Корана». По-видимому, эта попытка не увенчалась успехом, хотя сообщалась даже розничная цена издания (Таймас, *op. cit.*, с. 30—31). Следы рукописи следует искать прежде всего в Турции. Ее обнаружение стало бы важным вкладом в воссоздание культурной истории российского ислама. Подробнее см.: Хайрутдинов, *Последний татарский богослов*, с. 77—82.

манской философии, переводит Коран⁹³. Его современник Дж. Валидов так характеризует взгляды Кемали и близких ему публицистов на Коран:

Они видят в Коране ту центральную исходную точку, из которой берет начало прогрессирующая человеческая культура. ...Коран толковался по самой новой моде, его *âîîtam* придавались самые невероятные значения в целях осуществления идей нового времени... У них как будто все исходит из Корана, все, что только есть лучшего, концентрируется в Коране, но это кажется только поверхностному читателю или слушателю, а в действительности центром мыслей вовсе не является Коран, они, собственно, исходят из современных культурных понятий. Этого, может быть, они и сами не сознают, но все равно факт остается фактом. Лозунг — «примирение религии с наукой», — являющийся любимым выражением этих ученых, сам показывает, что здесь религия играет подчиненную роль⁹⁴.

Совокупный тираж только текста Корана, публиковавшегося в России, несомненно, достиг сотен тысяч экземпляров. Так, в делах цензурных инстанций, ведавших выдачей разрешений на публикацию в России печатных изданий, за 1900 г. нами обнаружено два прошения типографии Казанского университета на издание Корана тиражом по 20 тысяч экземпляров и прошение на издание *хадитийака* тиражом 50 тысяч экземпляров⁹⁵.

Понятно, что при таком объеме массовой продукции трудно было избежать брака, что, по известным причинам, совершенно недопустимо в случае с Кораном. В первую очередь это касалось продукции частных типографий.

16 декабря 1858 г. оренбургский *муфтий* Сулейменов (1786—1862) в своем письме министру внутренних дел сообщил о том,

⁹³ В 1917 г. З. Кемали становится депутатом Милли Маджлиса, активно занимается общественной деятельностью, избирается председателем Уфимского губернского национального собрания. В условиях нового политического режима и гражданской войны он отстраняется от общественно-политической деятельности, пытаясь занять позицию, равно отдаленную от обеих конфликтующих сторон. В 1918 г. Кемали подвергался преследованиям по обвинению в симпатиях к большевикам. После окончательной победы последний становится одним из лидеров мусульманского радикально-реформаторского движения в России (СССР), отвергая ряд ключевых догматических элементов традиционного ислама (день Суда, ад, рай, чудеса святых). В 1923 г. избирается *кади* Центрального духовного управления мусульман европейской части СССР и Сибири. Всецело поддержал НЭП, который рассматривал как этап по «преодолению» социализма. В 1936 г. арестован как член «группы панисламистов» и осужден на 7 лет лишения свободы. Скончался Зия Кемали в 1942 г. в самарской тюрьме. В 1956 г. реабилитирован посмертно. Подробнее см.: Т. Камалов, *Зия Кемали* (Казань, 1997).

⁹⁴ Дж. Валидов, *Очерк истории образованности и литературы волжских татар (до революции 1917 г.)*, I (Москва: Петроград, 1923), с. 66, 70; (Oxford, 1986), с. 102, 108.

⁹⁵ РГИА, ф. 777, оп. 5, д. 4 (1900 г.), л. 46, 52.

что в Коране, напечатанном 28 января 1856 г. в типографии Кукубина на деньги казанского купца Юсупа Кутувалова, было обнаружено 326 ошибок. Магометанское собрание просило наказать виновных и принять меры, дабы такого не происходило впредь, и одновременно нашло необходимым сообщить о происшедшем казанскому военному губернатору с просьбой запретить «печатание Коранов с ошибками в типографии Кукубина» и просило, «чтобы на будущее время по отпечатыванию Корана и по пропускам его цензурою один экземпляр, прежде выпуска в продажу, был присылаем для пересмотра в Духовном собрании»⁹⁶. Дело, как всегда в таких случаях, попало к Казем-Беку, который вместо присылки сигнального экземпляра в Уфу предложил Духовному собранию иметь в Казани двух специальных корректоров. Любопытна поддержанная официально аргументация Казем-Бека:

Требование того же собрания, чтобы на будущее время по отпечатании Корана и по пропуске его цензурою один экземпляр прежде выпуска его в продажу был присылаем для пересмотра в Духовное собрание [...] притеснительно, ибо это может на долгое время задержать предприятие книгопромышленника — как-то: отправку им своего издания на ярмарки или предстоящими караванами за границы, в Бухару и в Хиву⁹⁷.

Официальная поддержка позиции Казем-Бека связана с тем, что в те годы татарские купцы и книготорговцы рассматривались властями как проводники русского влияния в Средней Азии. По завоевании же Хивы, Бухары и Самарканда и установлении здесь русского господства ситуация изменилась: рост исламской пропаганды стал вызывать озабоченность. Это наглядно проявилось в письме генерал-губернатора Туркестанского края П. фон Кауфмана от 1876 г. Фон Кауфман обращал внимание на размах торговли «печатными Коранами и вообще различными теологическими мусульманскими сочинениями», которая велась казанскими татарами. Генерал-губернатор Туркестана находил это «вредным для русских интересов в Средней Азии»⁹⁸.

В государственных инстанциях продолжал обсуждаться и вопрос о цензуре мусульманских книг. Наиболее полно официальная позиция была сформулирована в августе 1872 г. в «Отзыве члена Совета Главного управления по делам печати при Министерстве внутренних дел Варадинова по отношению Департа-

⁹⁶ РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 830, л. 1—3 об.

⁹⁷ См.: *ibid.*, л. 5 об.—6. См. также письмо Министерства внутренних дел Оренбургскому магометанскому духовному собранию № 468 от 11 марта 1859 г., *ibid.*, л. 8—9 об.

⁹⁸ РГИА, ф. 733, оп. 170, д. 970, л. 1—2.

мента духовных дел иностранных исповеданий касательно цензурирования магометанских духовных книг»⁹⁹.

Варадинов отмечал, что для мусульманских публикаций в России, в отличие от других иностранных исповеданий, не существовало специальной цензуры. Долгое время мусульмане публиковали лишь текст Корана, и специальная цензура была признана излишней. Публикация других мусульманских книг, в том числе религиозного содержания, рассматривалась светской цензурой, призванной следить за литературой, издающейся на восточных языках. Однако продолжал резко возрастать объем литературы, публикуемой мусульманскими типографиями, менялся и ее характер. Два специальных корректора, работавших в Казани, едва справлялись с работой, и оренбургский *муфтий* поставил вопрос о введении особой мусульманской цензуры. Оренбургский генерал-губернатор выступил против, указав, что

было бы не в интересах правительства учреждать особую цензуру для надзора за чистотою учения мусульман, так как развитие различных религиозных толков в магометанском вероучении неминуемо повлечет к ослаблению его и, следовательно, может быть одним из средств к достижению той цели, к которой, по-видимому, надлежало бы правительству стремиться¹⁰⁰.

Появление жалоб, подобных той, что возникла в 1856 г., Варадинов объясняет следствием конкуренции: широкое издание текста Корана частными типографиями привело к резкому снижению цен и подорвало позиции монополистов, властвовавших на рынке почти до 1840 г. Дискуссии на эту тему продолжались, но специальная духовная цензура, которая находилась бы под контролем Магометанского духовного собрания, не была создана. Тем самым власти способствовали возникновению и широкому распространению идей джадидизма.

Это, однако, не означало, что в данной области существовала полная свобода. Так, цензор наложил запрет на прошение некоего Исма'йла Шамсутдинова, обратившегося за разрешением на публикацию сочинения, названного «Тафсир Галяя (перевод Корана)» (по-видимому, следует понимать «Тафсир 'Алий») ¹⁰¹. Политическая конъюнктура менялась, но общий подход, очевидно, заключался в том, чтобы допускать публикацию самого Корана и препятствовать выходу сомнительных, с точки зрения властей, комментариев и переводов ¹⁰².

⁹⁹ РГИА, ф. 776, оп. 2, д. 11, л. 97 об.—102 об.

¹⁰⁰ *Ibid.*, л. 99 об.—100.

¹⁰¹ РГИА, ф. 777, оп. 5, д. 4, л. 83 (1900 г.). См. также: «О запрещении печатать „Келями Шериф Тэфсири“ (Толкование Алкорана в двух томах)», *ibid.*, д. 7, л. 11 (1903 г.).

¹⁰² Любопытный факт запрещения таможенной ввоза в Россию рукописи Корана зафиксирован в одном из дел РГИА. Подозрение вызвала ошибка в заглавии: *Кўр'āи*

Мусульмане были полноправными гражданами России и делили с ней ее историческую судьбу. Коран читался в ходе специальной службы, организованной Санкт-Петербургской мусульманской общиной по поводу смерти брата Николая II Великого князя Георгия (1871—1899) и при закладке Санкт-Петербургской соборной мечети (1910). Одновременно Коран становился знаменем многочисленных антирусских выступлений, начавшихся в Средней Азии в 1916 г. и продолжавшихся в мусульманских районах СССР вплоть до 1931 г. В этом проявлялись разнонаправленные социальные и идеологические процессы, характерные для среды русскоподданных мусульман рубежа XIX—XX вв.

В первые годы XX в. создаются работы В. Р. Розена (1849—1908), В. В. Бартольда (1869—1930), И. Ю. Крачковского (1883—1951), А. Е. Крымского (1871—1941), в той или иной степени связанные с Кораном¹⁰³. Их исследования в целом были посвящены проблемам, общим для европейской коранистики. С учебными целями А. Е. Крымским (1905) был издан комментированный перевод ряда *сūr*¹⁰⁴. Коран продолжал вдохновлять и русских литераторов. Корану посвящает стихотворение русский ученый и известный поэт Серебряного века В. К. Шилейко (1891—1930). Будущий лауреат Нобелевской премии по литературе И. А. Бунин (1870—1953) выбрал коранические строки эпиграфами для целого ряда стихов и пытался переложить отрывки из 6-й *сūры* Корана.

Революция 1917 г., с одной стороны, усилила центробежные тенденции в мусульманских областях России, где возникли многочисленные «эмираты», «имаматы» и «ханства» и Коран объявлялся идеологической основой режима, а с другой — привела к попыткам вовлечения мусульман в революционную борьбу с целью экспорта коммунистической революции на Восток. Направленный Лениным в Туркестан для установления там совет-

¹⁰³ *'aẓīm* вместо *Ḳur'ān 'aẓīm*. См. письмо преподавателя персидского языка Санкт-Петербургского университета француза Ф. Шармуа (1793—1869), которого привлекали в качестве эксперта (*ibid.*, оп. 1, д. 1192 (1833 г.), л. 4).

¹⁰³ В. Р. Розен, «Доклад об отрывках куфического Корана, присланного из Бендер-Бушира», *Известия Академии Наук*, серия V, т. 22 (1905), с. XX—XXI; А. Е. Крымский, «Семь спящих отроков Эфесских: а) А. Крымский, Общий историко-литературный очерк сказания; б) М. Алтая, А. Крымский, Переводы арабских версий VII—XIII вв.» (Москва, 1914), *Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков*, XIV; И. Ю. Крачковский, «Описание собрания Коранов»; см. также соответствующие главы работ, написанных до Октябрьской революции 1917 г.: В. В. Бартольд, *Ислам* (Петроград, 1918); *idem*, *Культура мусульманства* (Петроград, 1918); *idem*, *Мусульманский мир* (Петроград, 1922).

¹⁰⁴ А. Е. Крымский, «Суры старейшего периода, перевод с объяснениями»; *Лекции по Корану, читанные в 1905 г.* (приложения к *Истории мусульманства*) (Москва, 1905).

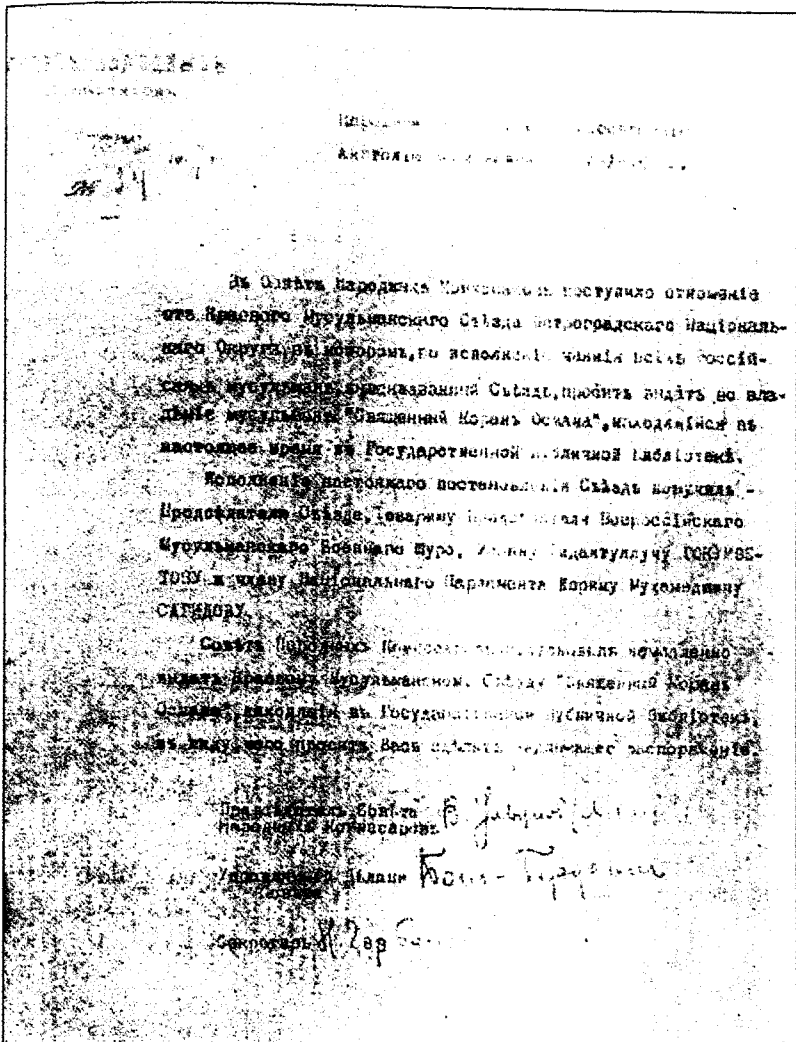

Рис. 20. Письмо Ленина о передаче рукописи Корана мусульманам

ской власти известный большевистский военачальник Михаил Фрунзе знал восточные языки, был знаком с Кораном, и одним из первых его шагов стал указ об объявлении пятницы выходным днем.

В рамках такой политики большевики приняли решение о возвращении мусульманам ряда святынь в Оренбурге, Казани, в Средней Азии и на Кавказе. В ходе съезда мусульман, состоявшегося в Петрограде в декабре 1917 г. по прямому указанию В. И. Ленина (рис. 20), мусульманской общине был возвращен «Коран 'Усмāна», хранившийся в Санкт-Петербургской пуб-

личной библиотеке¹⁰⁵. Отголоски идей таких деятелей большевистской революции, как М. С. Султан-Галиев (ок. 1880—1940, расстрелян)¹⁰⁶, можно найти в наследии лидера алжирской революции Ахмада Бен Беллы (род. 1916), в трудах, в том числе в *тафси́ре*, знаменитого иранского теолога ‘Али Шарй’атй (ум. 1977). Сюда же восходит и практика коммунистических партий в арабских странах. Так, по словам генерального секретаря Компартии Сирии, в 20-х гг. в помещении, где заседали члены Политбюро, ленинские труды соседствовали с кораническими *айятами*¹⁰⁷.

В то же время перу другого современника революции, упомянутого выше М. Дж. Бигиева, принадлежит и написанное в 1920 г., по-видимому, первое развернутое мусульманское антикоммунистическое сочинение «Islamiet Elifbası» («Азбука ислама»), направленное против «Азбуки коммунизма» Н. И. Бухарина¹⁰⁸. Развитие этих идей Бигиева легко найти в знаменитом *тафси́ре* идеолога организации «Братья-мусульмане» Саййида Қутба (1906—1966) «Фй зилал ал-Қур’ан» («Под сенью Корана») (написан между 1963 и 1964 гг.).

Гражданская война в России разбросала мусульман по разным лагерям. Так, в Восточной Бухаре консервативно настроенное духовенство санкционировало *ғазавāt* и торжественно поклялось на Коране вовлечь в борьбу против большевиков всех мусульман. Авторитетные *муллы* собственноручно написали для одного из руководителей басмаческого движения Ибрāхйим-бека несколько талисманов с изречениями из Корана, которые должны были уберечь его от вражеской пули.

С другой стороны, 30 января 1924 г. в Западной Бухаре состоялся первый *қўрултāй* (съезд) *улемов* (‘*уламā*’) — мусульманских ученых. В резолюции этого *қўрултāйя* было записано:

...*Басмачи* ложно прикрываются делом защиты ислама, но это злой обман со стороны *басмачей*... Советская власть не расходится с *шарй’атом*, она обеспечивает власть народа, а потому наш народ должен быть ей верен¹⁰⁹.

¹⁰⁵ В 1990 г. список был передан из Музея истории Узбекской ССР мусульманской общине (см. *рис.* 22).

¹⁰⁶ Для него «ислам как религия носил и сейчас еще носит, по крайней мере в глазах самих мусульман, характер угнетенной и защищающейся религии» (М. С. Султан-Галиев, *Статьи* (Оксфорд, 1984), с. 46).

¹⁰⁷ Хāлед Бағдāш, *Хāула қадāйā ат-ти’рāх ва қадāйā ас-сā’а* (Дамаск. б. г.), с. 36.

¹⁰⁸ Опубликовано как: Bigi. *İslam Milletlerinde dini, edebī, ictimā’ī, siyāsī mesē’eler tedbirler hakkında* (Berlin, s.a.).

¹⁰⁹ *Центральный государственный архив Средней Азии*, ф. 110, оп. 2, д. 530, л. 32.

Рис. 21. Уничтоженное поколение. Мусульманский съезд в Санкт-Петербурге. 1906 г. Фото К. Буялы (Нива. 1906. № 2)

Прогрессивное духовенство поддерживало меры новых властей по земельно-водной реформе. В начале 1926 г. группа видных исламских деятелей во главе с председателем Ташкентского духовного управления *муллою* Абдул Хāфизом Махдūмом обратилась с воззванием ко всем мусульманам. В тексте верующим напоминалось о том, как сподвижники Пророка раздали свои сады и имущество беднякам, давались ссылки на соответствующие *āyāt* Корана, где говорится о том, что земля принадлежит тому, кто ее «воскресил (*ахйāхā*)»¹¹⁰.

Начало в 1928 г. форсированного строительства государственного социализма в СССР сопровождалось мощной антирелигиозной кампанией. Начались репрессии против духовенства, в том числе и против недавних союзников в борьбе с басмачеством. В 1930-е гг. и позже было репрессировано приблизительно 40 тысяч *имāмов*, *мулл*, *‘уламā*’, многие из которых являлись продолжателями традиций исламского реформаторства и входили в национальную духовную элиту (рис. 21).

Все это неизбежно привело к тому, что в обществе установилось безусловное доминирование народного ислама с сильным влиянием суфизма, организационной основой которого оставались действовавшие подпольно суфийские братства. Представители же другого, догматического, уровня, где создается и хранится интеллектуальный потенциал ислама, были уничтожены в годы репрессий.

¹¹⁰ М. Базаров, «Советская религиозная политика в Средней Азии. 1918—1930», *Этнические и региональные конфликты в Евразии*. Кн. 1: *Центральная Азия и Кавказ*, ред. А. Малашенко, Б. Копитерс, Д. Тренни (Москва, 1997), с. 26—27.

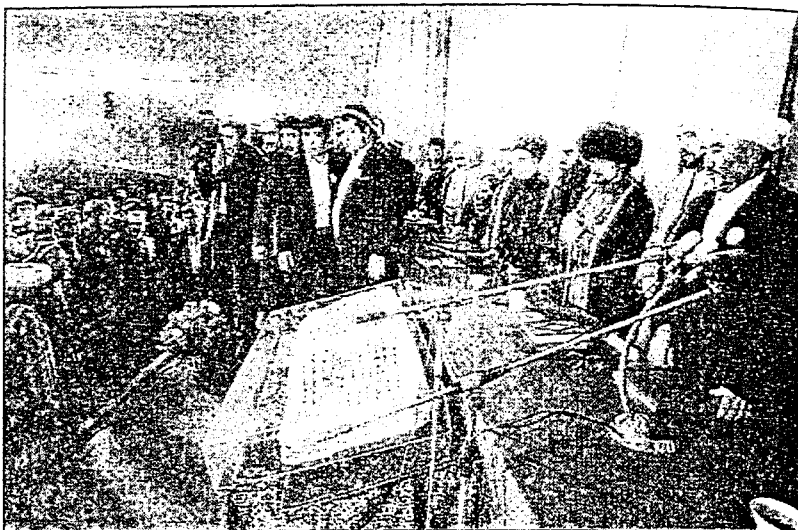

Рис. 22. Торжественная передача «Корана 'Усмана» мусульманской общине (Ташкент, 1992).

В 1927 г. были упразднены шариатские и адатские суды, конфискованы *ваффы*. В феврале 1929 г. за подписью секретаря ЦК ВКП(б) Л. Кагановича в республиканские, краевые, областные, губернские и окружные партийные комитеты рассылается письмо ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы». Этот документ санкционировал силовое давление на религиозные объединения под предлогом смыкания религиозных организаций с контрреволюционными силами. В массовом порядке закрывались и разрушались мечети. Наряду с текстом Библии Коран попал в составленный под руководством Н. К. Крупской список книг, подлежащих изъятию из массовых библиотек. Как тут не вспомнить «Индекс запрещенных книг», изданный папской курией в 1557 г.

В августе 1929 г. Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров приняли постановление о замене арабской письменности латинским алфавитом. Вскоре на смену латинскому алфавиту пришла кириллица. В ряде областей стало небезопасным не только держать в доме печатный или рукописный текст Корана, но и любую книгу, написанную арабицей. Это привело к массовой гибели рукописей, лишь малая часть которых была спасена археографическими экспедициями АН СССР. Множество знатоков традиционных мусульманских наук оказались в сталинских лагерях, где их называли «арабистами». Началась широкомасштабная работа по вытравливанию из народной памяти религиозных традиций. Резко активизировалась атеистиче-

ская пропаганда, в ходе которой «разоблачался» и Коран¹¹¹. Запрет любых форм религиозного обучения и воспитания, публичного совершения праздников и обрядов привел к утрате преемственности в передаче культурной информации, спонтанному отрыву нового поколения от традиций предков.

В это же время в академических кабинетах продолжалась работа по изучению Корана. К началу XX в. европейская наука накопила достаточно материала, чтобы поставить задачу осуществления перевода Корана на основании оригинальных научных разработок. В России такая задача была поставлена академиком И. Ю. Крачковским. Он одним из первых поднял вопрос о необходимости качественно нового подхода к переводу Корана. Рассматривая Коран как памятник определенной эпохи и среды, он попытался избежать влияния традиционных толкований и поставил задачу создать адекватный литературный перевод. При этом И. Ю. Крачковский опирался на материалы современной Корану языковой среды, стремился искать объяснения малопонятным местам текста в самом Коране. В 1921—1930 гг. им был осуществлен рабочий перевод текста, комментарии к которому дополнялись вплоть до самой смерти автора.

Перевод Корана, выполненный И. Ю. Крачковским, был включен в план публикаций издательства «Всемирная литература», однако издание было отвергнуто известным партийным функционером А. А. Ждановым и осталось в рукописи. Этот перевод, опубликованный посмертно в 1963 г.¹¹² и многократно переиздававшийся начиная с 1986 г., не был подготовлен автором к печати и, по существу, является публикацией архивных материалов, сохраняя в ряде случаев форму подстрочника. Тем не менее по характеру подхода к тексту и филологической точности труд И. Ю. Крачковского превосходит не только все русские, но и многие европейские переводы.

В прекрасно документированной книге А. А. Долининой, посвященной И. Ю. Крачковскому, приводятся важные архив-

¹¹¹ В качестве образца такого рода литературы можно привести работы Л. И. Климовича: «Коран и его догматы» (Алма-Ата, 1958) и несколько более умеренную «Книгу о Коране, его происхождении и мифологии» (Москва, 1977), основанные во многом на антиисламских статьях автора, опубликованных в 30—40-х г.

К весне 1930 г. меры, принимавшиеся государством в отношении религиозных организаций, обострили общественно-политическую ситуацию в стране. В частности, началась массовая эмиграция мусульман Средней Азии в Западный Китай и Афганистан. Это вызвало появление постановления ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении» (14.03.1930), в котором содержалось требование «решительно прекратить практику закрытия церквей в административном порядке», что сказалось и на судьбе многих из оставшихся мечетей.

¹¹² *Коран*, пер. и коммент. И. Ю. Крачковского (Москва, 1963). См. также: М.-Н. Османов, «Достоинства русского перевода Корана, выполненного И. Ю. Крачковским», *Памятники истории и литературы Востока* (Москва, 1986), с. 3—8.

ные материалы, связанные с его работой над переводом Корана¹¹³. А. А. Долинина цитирует своего рода памятку, составленную И. Ю. Крачковским по прочтении им работы А. Фишера¹¹⁴, посвященной анализу переводов Корана. В этом тексте «содержатся требования исходить, во-первых, из самого текста Корана, не сковывая себя догматическими схемами поздних комментаторов, однако учитывая их филологические толкования, а также все тонкости арабской грамматики, фразеологии и поэтики; во-вторых — обращать внимание на варианты текста и иметь в виду „проблематичный характер многих мест» и, в-третьих, не стремиться обязательно найти в Коране иудейские и христианские элементы, помня, что Мухаммед (транслитерация подлинника. — *Е. Р.*) вырос в арабской языческой среде и должен был испытывать влияние ее обычаев, а также мотивов, форм и языка поэзии»¹¹⁵.

Другая выписка посвящена итоговой оценке всем европейским переводам Корана, опубликованным до середины 20-х гг., которую дает Т. В. Яйнболл¹¹⁶: «Ни один из переводов не сохраняет систематически традиционного, признаваемого у мусульман правоверным толкования текста, равно как, наоборот, никто из переводчиков не стремится защитить исключительно верный с историко-критической точки зрения смысл выражений Корана»¹¹⁷.

И. Ю. Крачковский избрал второй путь, и его перевод, опубликованный по архивным материалам через 35 лет после завершения, стал одним из самых серьезных достижений российского исламоведения. К сожалению, обширнейший комментарий к переводу так и остался нераскрытым в связи с самим характером публикации. Анализ перевода и комментариев показывает, что последовательное воплощение намеченного автором подхода к тексту требовало от него, по существу, пересмотра принятых в его время методов исследования, отказа от многих научных представлений. Поскольку работа осталась неоконченной, мы не можем судить о том, насколько последовательно автор был готов применять избранный им метод.

Закончить свой труд помешали И. Ю. Крачковскому условия, в которые было поставлено научное исламоведение в СССР¹¹⁸. Как отмечалось выше, по характеру подхода к тексту

¹¹³ А. А. Долинина, *Невольник долга* (Санкт-Петербург, 1994), с. 235.

¹¹⁴ A. Fischer, *Die Welt der vorhandenen Koranübersetzung und Sure 111* (Leipzig, 1937).

¹¹⁵ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Архив Крачковского, оп. 1, № 203, л. 95.

¹¹⁶ Источник не указан.

¹¹⁷ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, л. 102.

¹¹⁸ А. Н. Кононов, «Академик Игнатий Юлианович Крачковский (к 100-летию со дня рождения: 1883—1951)», *Известия Академии наук. Серия литературы и языка*, XLII/4 (1983), с. 374—382.

перевод, выполненный И. Ю. Крачковским, в наибольшей степени близок работам Р. Белла, Р. Бляшера и Р. Парета. Причем все они часто демонстрируют аналогичный «буквалистский» подход к тексту. Так, в результате попытки возможно более точного следования синтаксису оригинала язык перевода, по оценке критика, стал «поистине ужасным»¹¹⁹, а текст перевода Р. Белла «просто „читать“ — невероятно сложно»¹²⁰.

Работа И. Ю. Крачковского над переводом совпала с началом кризиса советского исламоведения, связанного с тем, что подход к Корану и методы его анализа определялись в первую очередь задачами атеистической пропаганды. Именно в русле атеистических задач Н. А. Морозовым (1930) была предпринята попытка объявить X—XI вв. временем возникновения, а XIV в. (эпоху султана ‘Усмāна I) — временем фиксации Корана. В 1930-х гг. несколько московских ученых во главе с Е. А. Беляевым выдвинули гипотезу о создании Корана группой лиц¹²¹. Их подход к изучению Корана опирался во многом на гиперкритические работы таких западных востоковедов, как Г. Вейль и П. Каэтани. Однако отношение к предмету изучения, ненаучный характер методики исследования и полученных выводов, тенденциозный, некритичный подбор материала из европейских исследований сближают работы 30-х гг. упомянутых советских авторов с сочинениями представителей казанской миссионерской школы. Вульгарно-материалистический и воинственно-атеистический характер работ первых, по существу, смыкался с идеалистическим и подчеркнута миссионерским подходом вторых.

В этом отношении труд И. Ю. Крачковского, статьи К. С. Кашталевой (1897—1939) по терминологии Корана, этнографические штудии И. Н. Винникова, исследования В. В. Бартольда, опиравшиеся на анализ источников, резко выделялись на общем фоне¹²².

¹¹⁹ J. E. Bencheikh, «Sourate al-kaḥf: neuf traductions du Coran». *Analyses-theorie: Etudes arabes*, III (1980), с. 2—50.

¹²⁰ A. Rippin, «Reading the Qur’ān with Richard Bell». *Journal of American Oriental Society*, CXII/4 (1992), с. 643.

¹²¹ Н. Морозов, *Христос VI* (Москва: Ленинград, 1930); Е. А. Беляев, *Лекции по истории арабов* (Москва, 1937).

¹²² См., например: В. Бартольд, «Коран и море». *Записки Коллегии востоковедов*, I (1925), с. 106—110; переиздано: *idem*, *Сочинения*, vi, с. 544—548; W. Barthold, «Zur Frage über die Berufung Mohammed’s». *Dr. Modi Memorial Volume* (Bombay, 1930), с. 706—708; переиздано: «К вопросу о призвании Мухаммеда». *Сочинения*, vi, с. 615—616; К. С. Кашталева, «О термине „atā’a“ в Коране». *Доклады Академии наук (Востоковедение)* (1926), с. 56—57; *eadem*, «О терминах *анаба* и *аслама* в Коране», *ibid.*, с. 52—55; *eadem*, «К переводу 77 и 78 стиха 22 суры Корана», *ibid.* (1927), с. 121—124; *eadem*, «К вопросу о хронологии 8, 24, 47 сур Корана», *ibid.*, с. 101—107; *eadem*, «О термине „*шахида*“ в Коране», *ibid.*, с. 117—120; *eadem*, «Терминология Корана в новом освещении», *ibid.* (1928), с. 7—12; *eadem*, «О термине „*ханйф*“ в Коране», *ibid.* (1928), с. 157—162; *eadem*, «Подражания Корану»; И. Н. Винников, «Легенда о призвании Мухаммеда в свете этнографии», *Сергею*

Болезненный процесс освобождения от догматического подхода 30—40-х гг. в советском исламоведении проходил неровно. Попытки преодоления наиболее одиозных крайностей этого подхода были предприняты, в частности, И. П. Петрушевским. Сочинения коранического круга изучались в первую очередь с лингвистическими целями (например, работа А. К. Боровкова)¹²³. Однако вплоть до начала 90-х гг. продолжали активно публиковаться имевшие лишь самое отдаленное отношение к науке работы авторов (Л. И. Климович, А. В. Авксентьев и Р. Р. Мавмонтов, С. И. Джаббаров и др.), занимавших воинственно атеистическую позицию¹²⁴. Это было одним из ответов властей на объективную невозможность свести религиозную жизнь мусульман к формам, жестко контролируемым государством. Так, по словам одного из уполномоченных центра, посланных в Узбекистан для проверки атеистической работы, ему пытались доказать, что читающие в специально отведенном в клубе помещении Коран старики не что иное, как собрание ветеранов Великой Отечественной войны¹²⁵.

Новый этап в изучении ислама и Корана в СССР был связан с осознанием на официальном уровне в начале 1980-х гг. необходимости адекватного анализа процессов и событий на Ближнем и Среднем Востоке (мусульманский фундаментализм, иранская революция, советское вторжение в Афганистан). В 1980 г. в Ташкенте прошло Всесоюзное совещание, призванное наметить основные направления изучения ислама в СССР в новых условиях. Материалы совещания, опубликованные с грифом «Для служебного пользования», отразили растущую озабоченность как ученых, так и практических работников уровнем и характером изучения ислама. Результаты совещания и ряд решений, принятых на официальном уровне, позволили подготовить и опубликовать ряд коллективных работ и монографий, продолжающих русскую академическую традицию¹²⁶.

Федоровичу Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности. 1882—1932. Сборник статей (Ленинград, 1934), с. 125—146.

¹²³ И. П. Петрушевский, *Ислам в Иране в VII—XV вв.* (Москва, 1966); А. К. Боровков, *Лексика среднеазиатского тафсира XII—XIII вв.* (Москва, 1966); И. Н. Винников, «Коранические заметки: Коран 96: 1—2», *Исследования по истории культуры народов Востока* (Москва; Ленинград, 1960), с. 309—312.

¹²⁴ А. В. Авксентьев, Р. Р. Мавмонтов, *Книга о Коране* (Ставрополь, 1979); С. И. Джаббаров, *Мифология Корана и ее зеленые горы* (Ташкент, 1990).

¹²⁵ Малашенко, *Мусульманский мир СНГ*, с. 47.

¹²⁶ П. А. Грязневич, «Развитие исторического сознания арабов (VI—VIII вв.)», *Очерки истории арабской культуры V—XV вв.* (Москва, 1982), с. 75—155; М. Б. Плотников, *Коранические сказания* (Москва, 1991); См. также: Е. А. Резван, «Коран и коранистика», *Ислам: историографические очерки*, ред. С. М. Прозоров (Москва, 1991), с. 7—84; *idem*, «Коран и его толкования» (Санкт-Петербург, 2000); *idem*, «Пророчество и религиозное вдохновение в исламе (к проблеме научной интерпретации)».

Именно к этому времени восходит начало раскола среди российских мусульман, вызванного во многом распространением среди верующих ваххабитской литературы на арабском языке, которая составляла основную часть саудовских книжных даров духовным управлениям и мечетям.

Афганская трагедия обернулась и обостренным интересом к исламу и Корану. Припев песни Александра Розенбаума «Караван» («Караван. Шурави убивать им велит Коран. Караван, караван, караван...») — прекрасное свидетельство настроений, господствовавших в общественном сознании. Библиотекам было практически нечего предложить в ответ на взрыв читательского интереса. Автор может засвидетельствовать, что никогда — ни раньше, ни позже — он не сталкивался с таким массовым интересом к публичным лекциям об исламе и Коране.

После состоявшейся в апреле 1988 г. встречи М. С. Горбачева с патриархом Московским и Всея Руси Пименом и членами Синода Русской православной церкви в связи с приближавшимся тысячелетием принятия христианства на Руси в СССР началось восстановление демократических принципов отношения к религии, церкви и верующим. Однако на первых порах эти перемены коснулись в основном лишь православной церкви. Массовая регистрация христианских религиозных объединений не сопровождалась адекватными действиями по отношению к последователям ислама.

В столице Туркменистана Ашхабаде в течение 40 лет, вплоть до 1989 г., действовали Русская православная церковь и молитвенный дом евангельских христиан-баптистов, а просьба мусульман о регистрации хотя бы одного их религиозного объединения из года в год без всяких законных оснований решительно отклонялась.

Пришедший в марте 1989 г. на пост председателя Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана *муфтий* Мухаммад-Сәдиқ Мухаммад-Йўсуф заявил о необходимости скорейшего устранения препятствий на пути реализации мусульманами своего конституционного права на исповедание религии и отправление культа. Уже на следующий месяц после избрания на высокий пост он писал:

Большой вопрос: мало мечетей, много просьб об их открытии, не хватает религиозной литературы, особенно Корана, книг для начального религиозного обучения. Есть большие потребности в *муллах* — образованных, отвечающих современным требованиям, способных отвечать на сложные вопросы¹²⁷.

тацин феномена пророческих откровений Мухаммада)», *Традиционное мировоззрение у народов Передней Азии* (Москва, 1992), с. 20—33; *идем*, «История Корана и его изучения», *Коран*, пер. и коммент. Д. Н. Богуславского, с. 517—542.

¹²⁷ См.: *Московские новости*. № 15 (1989), с. 8.

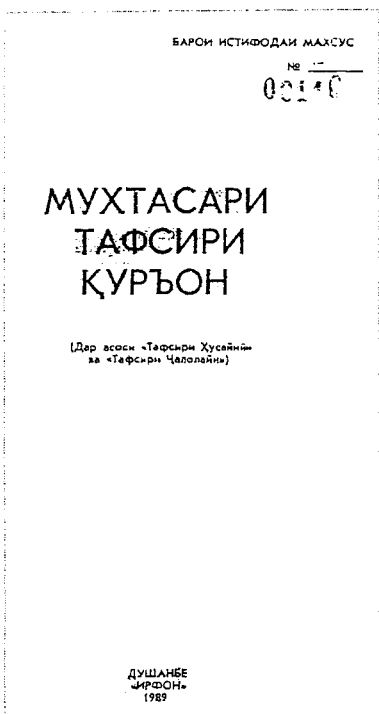

Рис. 23. Титульный лист книги «Мухтасари тафсири Қуръон» (Душанбе. 1989)

Известную двойственность политики местных властей в тот период, стремившихся к обновлению, но справедливо опасавшихся роста фундаменталистских тенденций, может иллюстрировать опубликованное в 1989 г. с грифом «Для служебного пользования» издание таджикского перевода *тафси́ра* (рис. 23), в подготовке которого принимали участие первые лица Института востоковедения АН Таджикской ССР, журнала «Коммунист Таджикистана», издательство «Ирфан».

Около пятидесяти миллионов советских мусульман, из которых порядка двадцати миллионов живут в собственно России (из них около восьмисот тысяч в Москве), ждали перемен. И они вскоре наступили. Число мусульманских религиозных объединений, зарегистрированных в 1989 г., по сравнению с 1988 г. увеличилось почти в 10 раз и составило 337. Далее начался лавинообразный рост.

Как за пределами России, так и внутри ее мусульмане расценили перестройку как результат вмешательства божественных сил. По словам главного редактора авторитетного египетского журнала «Ман̄ар ал-ислām» при всех способностях человека, гигантских возможностях передовой техники никто не мог предсказать широкомасштабные реформаторские катаклизмы, потрясшие от края и до края огромный мир, в центре которого расположена столица коммунизма — Москва. И причина тому кроется в крайней ограниченности человеческих возможностей по сравнению с возможностями неба, о которых в Коране сказано: «Его приказ, когда Он желает чего-нибудь, только сказать Ему: „Будь!“ — и оно бывает» (37 : 82)¹²⁸.

Этим словам вторит Мақсуд Гаджиев, главный редактор махачкалинской газеты «Исламские новости», написавший в ее первом номере:

¹²⁸ *Ал-Азхар*, апрель 1990, с. 957. Цит. по: Малащенко, *op. cit.*, с. 61.

В апреле 1985 г. (начало перестройки в СССР) неустанные молитвы верующих и стоны невинно замученных людей были, наконец, услышаны Всевышним, который ниспослал нам освобождение от злого духа... Перестройка стала поистине знамением Аллаха ¹²⁹.

Изменение таможенных правил позволило зарубежным единомерцам российских мусульман начать массовый завоз в страну религиозной литературы. Только король Саудовской Аравии Фахд направил в дар мусульманам Средней Азии, миллион экземпляров Корана (в дополнение к ним король передал 400 тысяч одноразовых шприцов).

Массовым тиражом были переизданы не только переводы И. Ю. Крачковского и Г. С. Саблукова, но и ряд работ деятелей «мусульманского возрождения» начала XX в. Стало возможным издание перевода Д. Н. Богуславского.

Публикации переводов Корана, как и прежде, отражали господствующие в обществе идеологические процессы. Практическая невозможность ознакомления с текстом, вышедшим ограниченным тиражом и распространявшимся под «неусыпным контролем» идеологических отделов горкомов и обкомов, вызвала публикацию перевода И. Ю. Крачковского эмигрантскими издательствами (1983, 1989, Нью-Йорк). Только в первые годы перестройки (1986—1991) увидела свет целая серия из тринадцати перепечаток, осуществленных в Москве, Душанбе, Баку и Ташкенте государственными (в том числе «Физкультура и спорт»!) и частными издательствами, совместными предприятиями (Коран приносил хороший доход) и даже журналом «Заря Востока», печатавшим текст Корана на протяжении двенадцати номеров (1990) и гарантировавшим тем самым значительный рост числа своих подписчиков. Чеченское издательство опубликовало текст перевода И. Ю. Крачковского без указания имени автора. В 1990—1991 гг. пять переизданий выдержал перевод Г. С. Саблукова (Москва, Казань).

Стремительная и беспринципная коммерциализация всех сфер жизни, ставшая основной приметой облика постперестроечной России, к сожалению, коснулась и Корана ¹³⁰. Перевод, осуществленный В. М. Пороховой, человеком, не знающим арабского языка и не имеющим элементарной специальной подготовки, являет собой синтез в высшей степени удачного менеджмента и крайне безграмотной реализации сложнейшей научной задачи.

Долгое время в виде отдельных книг публиковались фрагменты перевода Пороховой, в 1993 г. был опубликован полный

¹²⁹ *Исламские новости*, 19 ноября 1990 (Махачкала).

¹³⁰ Ср. пиратское издание перевода Д. Н. Богуславского, осуществленное в Стамбуле без разрешения Архива РАН и других правообладателей, см. выше: примеч. 52.

текст¹³¹, а в 1997 г. в Абу Даби на средства местного благотворительного фонда вышло в свет расширенное и дополненное издание. Оно было снабжено факсимиле документа из канцелярии знаменитого мусульманского университета ал-Азхар, подтверждающего точность воспроизведения арабского текста Корана, опубликованного параллельно с переводом.

Причем автор и редактор русского текста выдают документ ал-Азхара за официальное одобрение этим авторитетным исламским центром самого перевода. Публикация 1997 г. вызвала в Эмиратах настоящий скандал. Министерство *вақфов* Дубая создало специальную комиссию для анализа опубликованного текста. В нее вошли египетские, саудовские и марокканские, а также российские ученые. Их мнение было единогласным: публикацию перевода Пороховой следует запретить ввиду огромного количества ошибок, серьезно искажающих содержание Священного текста. Кроме того, по мнению ряда членов комиссии, предисловие к изданию пропагандирует «идеи коммунизма, крестовых походов, сионизма»¹³². Крайне не лестные оценки даны переводу и в Иране¹³³. Члены Ассоциации исламоведов при Совете *муфтиев* России также «не считают возможным признавать этот перевод сколько-нибудь удовлетворительным и рекомендовать его читателям»¹³⁴.

В этот же период были созданы переводы Корана, основанные на мусульманской традиции (М.-Н. Османов¹³⁵, анонимный перевод движения «Ахмадийя»¹³⁶ — последний выполнен с

¹³¹ *Коран: Перевод смыслов и комментарии В. Пороховой* (Москва, 1993).

¹³² См. газету «Ал-Халидж» (ОАЭ) от 18.07.1997. Информация об этом решении Министерства *вақфов* прошла по каналам ИТАР-ТАСС (см. Абу Даби, 21 июля 1997 г., корреспонденция Виктора Лебедева). Газета «Ал-Иттихад» (ОАЭ) в номере от 8 августа 1997 г. опубликовала целую страницу, где корреспондент газеты поместил свои интервью с российскими исламооведами, критикующими перевод В. Пороховой.

¹³³ 'Imād ad-Dīn Hātīm, «The Russian translations of the Qur'ān: From Sablukov to Porokhova», *Tarjūmān-i Wāḥy*, ii/2 (1999), с. 51—83; А. Pakatchi, «An interim report on the Russian translations of the Holy Qur'ān», *ibid.*, ii/1 (1998), с. 54—74.

¹³⁴ В. Д. Ушаков. «Глубинный смысл открывается постепенно. К выходу в свет перевода Корана, выполненного Мухаммадом-Нури Османовым», *Книжное обозрение «Ex Libris НГ»* от 02.09.1999, с. 6; *idem*, «Какой нужен перевод Корана: канонический или научный», с. 64—76; *Коран в России* (По материалам «круглого стола» «Священный Коран в России: духовное наследие и исторические судьбы») (Москва, 1997), с. 70—75. К сожалению, в России продолжают публиковаться заказные рецензии, высоко оценивающие этот перевод.

¹³⁵ Существенным продвижением вперед является новый, во многом пересмотренный вариант перевода Корана М.-Н. Османова под редакцией В. Д. Ушакова, опубликованный в 1999 г. московским издательством «Ладомир». Прекрасно оформленная публикация содержит комплексный комментарий, основанный на последних работах отечественных исламоведов. См.: В. Д. Ушаков, «Глубинный смысл», с. 6,

¹³⁶ Когда книга уже была готова к печати, автору стало известно еще о двух русских переводах Корана. Один из них снова связан с движением «Ахмадийя»,

подстрочника). Предпринята попытка создания стихотворного перевода (Т. А. Шумовский)¹³⁷. Исламские пропагандистские центры в Иране, Пакистане, Саудовской Аравии, Турции финансируют издание и распространение на территории России и стран СНГ специальных учебных пособий, переводов на русский и национальные языки современных *тафси́ров*¹³⁸, финансируются программы перевода Корана на языки народов Средней Азии, Поволжья и Кавказа¹³⁹. В Россию и страны СНГ продолжают ввозиться сотни тысяч экземпляров арабского текста Корана для бесплатного распространения среди верующих. Переиздания арабского текста осуществляются и Духовными управлениями мусульман (в таких изданиях, появившихся в советское время (1923, 1956) по-прежнему использовался текст старых казанских изданий Корана, он был заменен текстом официального каирского издания 1919—1928 гг. только в издании, выпущенном в Ташкенте в 1960 г. и ставшем образцом для последних публикаций). Духовное управление мусульман Европейского региона России готовит электронную версию перевода И. Ю. Крачковского для размещения на своем сайте в Интернете.

второй выпущен в Германии на спонсорские деньги. Более подробной информацией автор пока не располагает.

¹³⁷ *Священный Коран: Арабский текст с русским переводом*, опубликован под покровительством Четвертого Халифа Обетованного Мессии и Главы Ахмадийского Движения в Исламе Хазрата Мирзы Тахира Ахмада (Лондон, 1987); *Коран*, пер. с араб. с коммент. М.-Н. Османова (Москва, 1995); *Коран: Священная книга мусульман*, пер. с араб. (и предисл.) Т. А. Шумовского (Москва, 1995). О последнем см.: С. Х. Кямилев, «Интернационализация работы над русскими версиями коранических текстов — объективная задача в условиях Российской Федерации», *Коран в России*, с. 60—61.

¹³⁸ *Учение священного Корана*, сост. Сейид-Реза Борген, Мохаммед Бахонар, Бахрам Тегерани (сост. русской части) (Тегеран, 1978); Саид Абул Ала (Маудуди), *Тафхимул Коран*. (Сурь: Семейство 'Имрāна и Женщины), пер. Шах Махмуд (Пешавар, 1987); *idem*, *Сурь Ибрāхīm, Ал-Уйджр, Пчелы, Перенес ночью* (Пешавар, 1990); М. В. М. Ахмад, *Введение в священный Коран* (Исламабад, 1991); М. Иахйа-Пур, *Обучение чтению Священного Корана* (Кум, 1998); *Священный Коран: Антология* (Исламабад, 1991).

¹³⁹ *Куран*, пер. Ж. М. Истаева (Алматы; Москва, 1991); см. также: Н. Агаев, «Коран как явление культуры», вступ. ст. к пер. и пер. глав Корана Н. Агаева (Баку, 1989), і. с. 170—191; *Куран*, пер. М. Х. Гамидова (Махачкала, 1995); *Курьони карим*. Узбекча изоҳли таржима. Таржима ва изоҳлар муаллифи Алоуддин Мансур (Ташкент, 1992). Опубликованный в 1992 г. в Ташкенте «Хафтійайк шарйф» продолжает серию дореволюционных изданий этого типа. В настоящее время А. Б. Халидов готовит татарский перевод Корана.

Ситуацию с переводами Корана на языки народов СНГ тщательно отслеживает журнал «Тарждуман-и Ваҳй», издаваемый Цетром по переводу Священного Корана (Кум): см: VI/1 (2000), с. 92—94 — узбекский; *ibid.*, с. 114—115 — таджикский; I/1 (1997), с. 60—73; I/2 (1998), с. 75—86; II/1 (1998), с. 47—55; II/2 (1999), с. 135—161 — азербайджанский; III/1 (1999), с. 174 — киргизский; III/2 (2000), с. 103 — грузинский.

В ходе дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве и сложения здесь различных типов государственных образований Коран приобрел статус одного из символов государственности (президентская присяга на Коране в ряде государств СНГ и субъектов РФ) и объявлялся одним из основных источников права (Чечня). В этом отношении социальная и политическая практика в мусульманских районах бывшего СССР следует за традициями, господствующими сегодня в ряде мусульманских государств Азии и Африки.

При этом специфика отношения к Корану во многом обусловливается особенностями периода становления национальной государственности и поисками национальной идеологии. Так, президент Туркменистана Сепармурад Ниязов выступил с инициативой внести изменения в порядок исламской молитвы, предложив «после каждой молитвы, после каждого *намаза* проносить:

Отечество мое, Туркменистан.
Тебе я посвящаю жизнь свою.
И коли боль тебе я причину,
Пусть длань моя отсохнет навсегда!...»¹⁴⁰.

Упоминание о своем знании Корана, умении его читать стало важной составляющей имиджа мусульманского политика. Так, на официальном сайте российского правительства в Интернете на странице, посвященной биографии Рамазана Абдулатипова, политика, ведавшего вопросами межнациональных отношений в российских правительствах разного состава, находим: «В прошлом играл за сборную Дагестана по волейболу. Увлекался охотой в горах, читает Коран, играет на национальных музыкальных инструментах».

Коран является одним из основных аргументов в ожесточенных спорах, разгоревшихся в последнее время между так называемыми тарикатистами, сторонниками традиционных исламских течений, долгое время безраздельно доминировавших на территории СНГ, и ваххабитами, ведущими агрессивную пропаганду на средства зарубежных исламских центров. На захваченной российскими десантниками ваххабитской базе в Харсеное

¹⁴⁰ *Туркменистан*, 24.04.1994. Ср. мнение лидера ливийской революции М. Каддафи, согласно которому из Корана следует исключить вводное слово *кул* — «скажи». Мне не известно, был ли в Ливии опубликован текст Корана, который бы соответствовал этим пожеланиям. В то же время на существование проблемы как таковой указывает бытующая ныне в Саудовской Аравии поговорка: *куллу-л-машйкх мин кул ва Қўм* («Все проблемы — от *кул* и из *Қўма*»). Возможно, что вся эта история — лишь отражение реальных противоречий, существующих между упомянутыми исламскими государствами. Автор искренне признателен за эту информацию проф. Т. Ибрагиму (Москва).

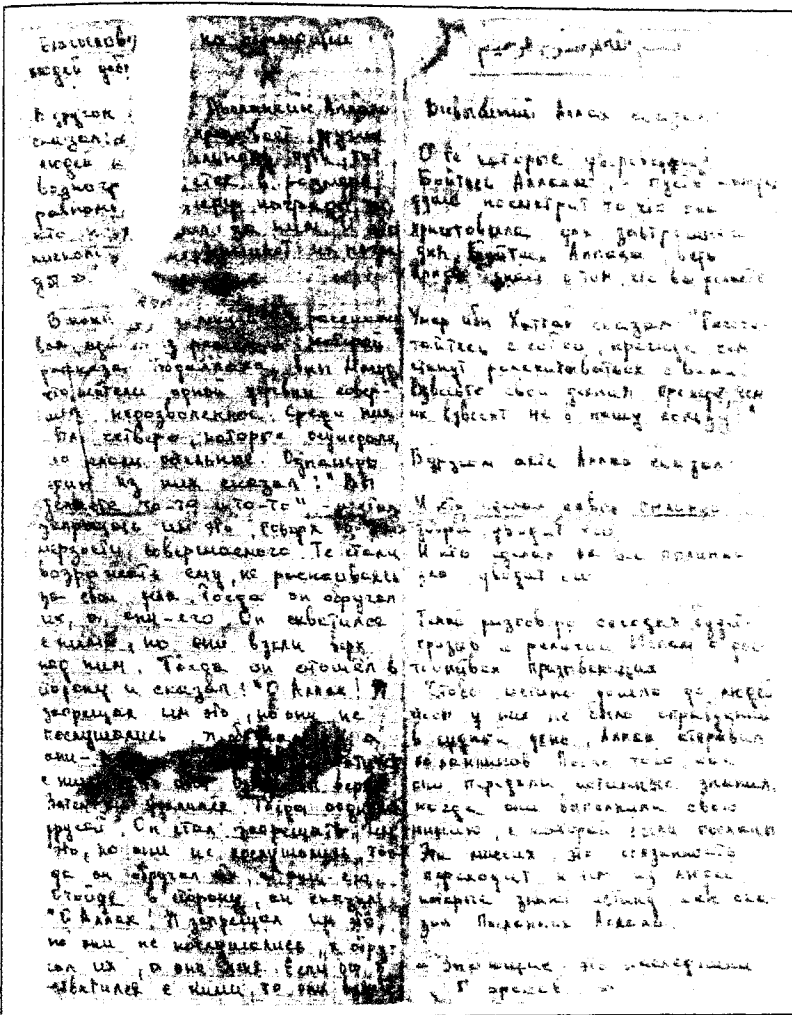

Рис. 24. Фрагмент конспекта лекции по исламу, обнаруженный российскими десантниками на базе террористов в Харсеное (Чечня). С любезного разрешения А. А. Матвеева

(Чечня) обнаружены зачитанные копии эмиратского издания перевода Корана, выполненного В. М. Пороховой¹⁴¹, отдельно переплетенные комментарии к нему с рукописными исправлениями, конспекты лекций по Корану и исламу (рис. 24). Русский язык является сегодня одним из основных языков исламской пропаганды.

¹⁴¹ Что свидетельствует лишь о крайней безграмотности «учителей веры», работающих там. Факт использования ими безграмотной и искаженного перевода Корана — один в большой серии свидетельств, подтверждающих в целом антиисламский характер чеченского национально-освободительного движения».

Творческий импульс, заложенный в Коране, продолжает оказывать свое влияние на русских писателей. В одном из последних интервью А. Битов, несомненно один из наиболее серьезных современных русских писателей, отмечал: «Я стремлюсь быть гармоничным. И если утром я успеваю прочитать несколько предложений из Библии, Корана, Пушкина, Паскаля, Дала, наступает просто счастливое отношение к жизни»¹⁴².

Продолжается научное изучение Корана¹⁴³, готовятся новые переводы¹⁴⁴, публикуются работы просветительского плана, продолжающие традиции джадидов¹⁴⁵. Приоритетной задачей российской коранистики является реализация замысла И. Ю. Крачковского по подготовке филологически точного, литературно-адекватного академического перевода Корана с комплексным комментарием и справочным аппаратом. Основой такой работы, которая в современных условиях может осуществляться только группой специалистов¹⁴⁶, должны стать исследования племенных диалектов, языка и структуры текста Корана с использованием современных методик. Не менее важно изучение истории культуры Южной Аравии, Набатеи, длительного процесса формирования «культурного симбиоза» в оседлых центрах Внут-

¹⁴² «А. Битов: между Москвой и Ленинградом», записано М. Котельниковой и А. Сергеевым, *Домовой*, VI (1996), с. 58.

¹⁴³ В. Д. Ушаков. *Фразеология Корана* (Москва, 1996).

¹⁴⁴ *Коран. Сûры* 1, 16—19, 35, 36, пер. В. Д. Ушакова (Москва, 1998). Этот перевод, который обещает стать серьезным достижением отечественного исламоведения, «вырастает» из редакторской работы автора над текстом М.-Н. Османова. Автор использует «эпический стиль», ритмизованную прозу, дает рассчитанные на широкого читателя комментарии с использованием *тафси́ров* ат-Табарий и «Ал-Джалалайн», работ российских исследователей.

¹⁴⁵ М. Архипов. *Таджвид: Облегченные правила* (Казань, 1993); *Священный Коран о человеке, его жизни и бессмертии: Хрестоматия*, вступительная и вводная статьи: *мудфий* Р. Гайнутдин и Т. Сандбаев (Москва, 1998). Из этой категории работ своим высоким качеством выделяется книга Т. Ибрахима и Н. Е. Ефремовой «Мусульманская священная история от Адама до Иисуса» (Москва, 1996). Это — краткое и емкое изложение соответствующей мусульманской традиции, равного которому на сегодняшний день не существует не только на русском, но и на европейских языках. Авторы готовят новые работы, связанные с Кораном.

¹⁴⁶ См.: Е. А. Резван, «Коран и коранистика», *Ислам: историографические очерки* (Москва, 1991), с. 28. Эту точку зрения разделяет и один из наиболее авторитетных исламоведов в сегодняшней России проф. Т. Ибрагим (см. его интервью: *НГ — Религии. Печатное дело* (№ 24/47 от 22.12.1999)). Нельзя не согласиться и со следующими его словами из того же интервью: «Очень жаль, что за дело перевода (Корана. — Е. Р.) берутся непрофессионалы, люди, не владеющие в достаточной степени арабским языком (или вовсе им не владеющие), не имеющие востоковедческого, исламоведческого образования. Делают также попытку перевести Коран в поэтической форме, хотя это целиком противоречит Священной книге, где сказано, что Коран — это не стихи. Более того, сами эти переводчики не поэты, и стихотворный перевод — это их первый поэтический опыт. Отгачивать перо на тексте Священной книги — богохульство, это неприемлемо ни с научной, ни с этической точки зрения».

ренной Аравии с гетерогенным населением. Подготовка такого перевода, опирающегося на результаты исследований 1970 — 1990-х гг., актуальна и для западного исламоведения.

Российский ислам, представляя собой одну из региональных форм бытования этой великой религии, имеет свою замечательную историю и традиции. Судьбы мусульманских народов России неразрывно связаны с исторической судьбой других народов, населяющих нашу страну, и прежде всего — с исторической судьбой русского народа. Их объединяют общие традиции и взгляд на мир, сложившиеся за годы активного взаимодействия, общие великие победы и национальные трагедии. Число Героев Советского Союза, удостоенных этой высшей национальной награды за подвиги в годы Великой Отечественной войны почти точно соответствует проценту мусульманского населения СССР. То же самое можно сказать и о числе подвинков с мусульманскими фамилиями, погибших на подводной лодке «Курска». Во время свода с орбиты орбитального комплекса «Мир» на его борту сгорели и копия Библии, и копия Корана.

Однажды под впечатлением фресок в церквях Венеции замечательный русский поэт, лауреат Нобелевской премии Б. Л. Пастернак записал: «Я понял, что, к примеру, Библия есть не столько книга с твердым текстом, сколько записная тетрадь человечества, и что таково все вековечное. Что оно жизненно не тогда, когда оно обязательно, а когда оно восприимчиво ко всем уподоблениям, которыми на него озираются исходящие века»¹⁴⁷. Видимо, и Коран в не меньшей степени, чем Библию, можно считать «записной тетрадью человечества», которое при всем многообразии оценок и мнений никогда не оставалось равнодушным к истинам, возвещенным этой книгой. Подтверждает это и история Корана в России, страны, которую Николай Бердяев однажды назвал «Востоко-Запад»¹⁴⁸.

¹⁴⁷ Б. Л. Пастернак, «Охранная грамота». *Воздушные пути: проза разных лет* (Москва, 1983), с. 252.

¹⁴⁸ Н. Бердяев, *Судьба России* (Москва, 1990), с. 28.